

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 30 (2345). Суббота, 19 июля 1947 г. Цена 50 коп.

1 стр. Передовая. Могучий стимул движения вперед. Александр Гончар. Голубой Дунай (отрывок из романа). Информация. К 800-летию Москвы. Собрание писателей Киева.

3 стр. Ф. Кравченко. В первых рядах. Н. Мацурев. «Горьковский семинарий». В. Гольцев. Искажение подлинника. Александр Дейч. Низами в русских переводах. М. Чечановский. Книга о П. Бажове.

МОГУЧИЙ СТИМУЛ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД

В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» тов. А. А. Жданов развернул перед писателями программу большевистской критики и самокритики, которая обеспечивает рост творчества.

Критиковать нужно с партийных позиций, с позиций государственных, ставя выше всего интересы нашего дела. Критиковать, памятуя, что каждое удачное произведение можно сравнить с выигранным сражением или с крупной победой на хозяйственном фронте.

Товарищ Сталин учит нас, что, если мы хотим сохранить кадры, учить и воспитывать их, мы не должны бояться обидеть кого-либо, не должны бояться принципиальной, смелой, откровенной и объективной критики.

Между тем, ряд фактов и явлений самого последнего времени свидетельствует о том, что некоторые литераторы еще не усвоили полностью этого непреложной истины, этого основного закона творческого развития.

Товарищ Сталин неоднократно указывает на то, что важнейшим условием нашего развития является необходимость того, чтобы каждый советский человек подводил итог своей работы за каждый день, безотказно проверял бы себя, анализировал свою работу, мужественно критиковал свои недостатки и ошибки, обдумывал бы, как добиться лучших результатов своей работы и непрерывно работал бы над своим совершенствованием.

Писатели Молдавии сурово, но принципиально и товарищески критикуют подвиги и пороки, осуждают друг друга, не оставив камня на камне от всей современной молдавской литературы.

Недавно закончивший XI пленум правления Союза советских писателей наглядно показал, что за десять месяцев, прошедших со времени исторических постановлений Центрального Комитета ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и доклада тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», многонациональная литература нашей страны достигла серьезных успехов.

Срывы имеют место и в московской организации Союза писателей. Некритически подошла секция драматургов к пьесе Л. Лепча. Это явно недоработанное, пустое произведение на заседании секции рассказали сверх всякой меры.

Во всех неоспоримых успехах решающую роль сыграла развернувшаяся в среде писателей большевистская критика и самокритика, тщательное исследование ошибок, допущенных некоторыми литераторами.

Издательство «Советский писатель», уже допустившее грубую ошибку, выпустило в продажу и антихудожественную книгу Е. Шереметьевой, подготовленную к изданию недоброкачественную повесть И. Рудина «Боярыня». Правда, книга не увидела света.

Вся наша литературная жизнь должна пронизана чувством творческого беспокойства. Стратегия большевистской критики и самокритики — это основа нашего творческого здоровья, мощный стимул успешного развития, неуклонного движения вперед.

Критическая робость особенно проявляется у отдельных литературоведов и критиков. В работах некоторых известных литературоведов нашли свое отражение ошибочные, чуждые марксизму теории.

Сила и непобедимость нашей партии в том, что она не боится критики и самокритики, что она учила открыто признавать и преодолевать недостатки, что она воспитывает кадры на собственных ошибках.

Примером нашей партии указывает путь и нашей литературной общественности. «Мы критикуем для того, чтобы на почве критики еще сильнее обеспечить рост творчества», — говорил Михаил Иванович Калинин.

Глубоко партийное отношение к себе и к товарищам по перу должно стать ведущим принципом в деятельности каждого писателя. К этому обязывают всемирно-исторические задачи, стоящие перед советской литературой — самой передовой литературой мира.

Критика и самокритика должны войти во все поры нашей литературной жизни, активизировать непрерывную борьбу за создание высочайших художественных произведений.

В критике своих недостатков у нас бывало своего рода приливы и отливы. В дни специальных творческих дискуссий или собраний обсуждение творчества писателя принимало широкий и порою острый характер, а затем нередко наступал период известного «затишья».

Не стоять на месте, не удовлетворяться достигнутым, смело выносить свою работу на суд общественной критики, пребывать открытым к своему творчеству — вот условия, без соблюдения которых немалым дальнейшим идейным ростом каждого писателя и подьем всей советской литературы в целом.

Нужно покончить с ленивым и странным обычаем «летних каникул», когда сворачивается работа творческих секций у союзных писателей. Ее следует развернуть в полном объеме, чтобы закрепить достигнутые успехи, всемерно развить их и на основе этого неуклонно двигаться вперед.

Во всеоружии мудрых указаний, которые даны нам большевистской партией, советские писатели, не довольствуясь достигнутыми успехами, развернув принципиальную, партийную критику и самокритику, добьются новых творческих побед, смогут достойно выполнять свой долг перед народом, государством, партией.

800-ЛЕТИЕ МОСКВЫ В ССП СССР

Правление и парторганизация Союза советских писателей СССР утвердили комиссию по проведению мероприятий в связи с приближающимся 800-летием Москвы.

В состав комиссии вошли: Л. Никулин (председатель), Л. Аргутинская (зам. председателя) и члены — В. Агапов, Н. Атаров, С. Васильев, А. Коваленков, В. Шкловский и другие.

Выделена также группа писателей для выступлений с докладами на тему: «Современная Москва» (Л. Кассиль), «Кремль» (З. Давыдов), «Москва в художественной литературе» (Л. Никулин), «Москва индустриальная» (М. Эгарт), «Театры Москвы» (В. Мелчун), «Новая Москва и Москва будущего» (Н. Атаров) и т. д.

Комиссия предложит привлечь творческие секции Союза писателей к созданию очерков о Москве и составлению плана выступлений по радио.

14 июля состоялось первое заседание комиссии Союза писателей по подготовке к 800-летию Москвы. После всестороннего обсуждения Л. Никулин комиссия заслушала сообщения представителей Гослитиздата и издательства «Московский рабочий» о выпускаемых ими книгах, посвященных Москве.

При Союзе советских писателей создан агитупик и разработан подробный план мероприятий — вечера, доклады, лекции, концерты, передвижные выставки, связанные с историей Москвы. 22 и 31 июля будут устроены в клубе вечера для населения Краснопресненского района.

Бюро пропаганды художественной литературы Союза советских писателей СССР провело за последнее время больше пятнадцати вечеров, посвященных 800-летию Москвы. В этих вечерах, состоявшихся в вузах, во Дворцах культуры, детских библиотеках, клубах, воинских частях, на заводах и фабриках, приняли активное участие поэты и прозаики Москвы.

В Остафьевском доме офицера с докладом на тему «Москва в художественной литературе» выступил 21 июля Л. Никулин.

Библиотеки — к юбилею столицы В будущем году исполнится столетие со времени основания библиотеки Киевского района Москвы, которой после революции присвоено имя Добролюбова.

«Слово о Москве» Гослитиздат выпускает три сборника, посвященных 800-летию столицы Советского Союза.

Александр ГОНЧАР

После боя на набережной минометчики, влетев в помещение парламента, столкнулись у входа с Ференцем.

— Ты уже здесь, Ференц? — крикнул Вася Багиров. — Убью! Еще стреляют... — Уже не убьют, — снимая шляпу, мужественно ответил художник. — Уже нет. Приближайтесь к Чернышу, Ференц взял его за руку.

— Товарищ лейтенант... товарищ... прозвучало с акцентом. — За все... всем вам... всей России... И хотел поднести руку к губам. Черныш, краснея, вырвал руку.

— Что вы, Ференц? У нас... так не делают. Они побежали вверх по белым мраморным ступеням. За боками, размахивая руками своего мажоранта, спешил Ференц.

— Наш шедевр! Это слово больно ударило Черныша. Перед ним предстал наяву Саша Сиверцев из альбома художника. Тогда Ференц тоже так сказал.

— Эти завезены из Швеции... Эти из Феррары... Эти из Германии... Монолиты... Хома внимательно оглядывался по сторонам. Ему все казалось, что за каждой колонной в полутьме притаился чужой автоматчик.

— Приемный зал... Красное дерево... Бронза... Розовый мрамор... Шедевр... Розовый мрамор... Шедевр... Каждое слово Ференца ранило Черныша.

— Кула, братья-славяне? — спросил бойцы из другого полка. — К министрам! — Нету. — Еще сидят в канализационных трубах! — Го-го-го!

Залы, словно голубки Альпы, отражают веселые голоса. В окна, сквозь разноцветные стекла, льется яркий радужный свет, наполняя залы, фойе и коридоры пестрым полумраком.

Палата депутатов, — с гордостью объявляет Ференц, забегая к минометчикам то с одной, то с другой стороны.

Голубой Дунай

Теперь я буду внимательно к вам прислушиваться. Не захотите жить мирно и ладно, будет вам горько, как сегодняшним фрицами! Не усмейтесь, Ференц, не скаль на меня зубы. У меня еще у самого такне, ст. И сына еще дома растут, чернопные, как кашля, крепкие, как дубки. Я им пишу, чтоб смотрели с нашей Вулгты и на Дунай, и за Дунай, и на весь белый свет.

Черныш стоял наверху, в палате сенатора, окутанной белыми сумерками. Молча осматривал пыльную окраску стен, скользя по ним пренебрежительным взглядом и думая о тех далеких, растерянных по пути, что шли и не пошли сюда. И бои Гай, и Юрий Ясногорская, и Саша Сиверцев, и Шуря Ясногорская, — все навеки или на время вышибили из строя, как будто только что поднимались с ним вооруженной толпой по белым ступеням и вступили в этот зал.

— Вы не должны быть никем забыты, ни именными политиками, ни дипломатами, ибо вы шли в авангарде человечества и без вашей жертвы не было бы ничего... Рылдл без слез, кричал без слов.

— Вас человечество подхватит, как песню, и понесет вперед, потому что вы были его первой весенней песней... Большие лорны артилы пролегли перед глазами Черныша. Отсюда, с этой высокой точки чужого победоносного города, он доставал взглядом неисчислимые тысячи серых окопов, разбросанных по полям Европы, слышал перестук солдатских полков по заминированным асфальтам, стон забитого раненого в подполыхающих горах. Жизнь, перестав быть для него розовой загадкой конста, окладывалась пером в простоту своего величия. Он видел ее смысл сейчас яснее, чем когда бы то ни было. И пусть он упадет, как Юрий Бранский, в задних рядах низинах или в словацких горах, — он и последним проблеском сознания будет благодарить судьбу за то, что она не водела его зигзагами, а поставила в ряды великой армии, на прямую магистраль.

Мысли его прервал Багиров, явившийся с сообщением, что батальон собирается. Возвращаясь из палаты сенаторов, Багиров и Черныш услышали голоса Хома. Заглянув в нижнюю палату, Хома увидел голубую вышю, закинув ногу на ногу, и пощучил. Автомат лежал у него на коленях.

— Возвращаясь из палаты сенаторов, Багиров и Черныш услышали голоса Хома. Заглянув в нижнюю палату, Хома увидел голубую вышю, закинув ногу на ногу, и пощучил. Автомат лежал у него на коленях. Вокруг Хома, скрючившись, держась за старинные книги в кожаных переплетах. Стоят кресла министров, обитые красным бархатом.

— Возвращаясь из палаты сенаторов, Багиров и Черныш услышали голоса Хома. Заглянув в нижнюю палату, Хома увидел голубую вышю, закинув ногу на ногу, и пощучил. Автомат лежал у него на коленях. Вокруг Хома, скрючившись, держась за старинные книги в кожаных переплетах. Стоят кресла министров, обитые красным бархатом.

— Возвращаясь из палаты сенаторов, Багиров и Черныш услышали голоса Хома. Заглянув в нижнюю палату, Хома увидел голубую вышю, закинув ногу на ногу, и пощучил. Автомат лежал у него на коленях. Вокруг Хома, скрючившись, держась за старинные книги в кожаных переплетах. Стоят кресла министров, обитые красным бархатом.

— Возвращаясь из палаты сенаторов, Багиров и Черныш услышали голоса Хома. Заглянув в нижнюю палату, Хома увидел голубую вышю, закинув ногу на ногу, и пощучил. Автомат лежал у него на коленях. Вокруг Хома, скрючившись, держась за старинные книги в кожаных переплетах. Стоят кресла министров, обитые красным бархатом.

Отрывок из романа

Стар, шелкнув, выбрасывает готовую самодрутку. — Здорово! — заблестели глаза у одного из легионцев, такого же молоденького, как и Маковейчик. — Только закладывая бумагу!

— Здорово! — говорит и майор, прикидываясь удивленным. А ну еще! Маковейчик с простодушной радостью щелкает. — Домой поехать? — спрашивает его.

— Я такого мизерия не поведу бы, — говорит Хома. — Чи я беспальный, что сам не скручу себе цыгарки, хай его маме! И вообще эта выдумка, чтоб только глаза замазывать. Раз-да и уже заедает. Приезти — так мотайки!

— Или часы, — вставляет молоденький легиончик. — Часов у них, как мусора. — Все «рокопы», — замечает Деиса Блаженко, не отрывая взгляда от развернутой дивизионной газеты, которую держит в руках. — Штамповка.

— А сколько шелков, — бросает замполит. — Искусственные, — возражает Хома. — Только в воду — и расплываются... Разве мы слепцы? Мы все видим.

— Много у них всякой всячины, — задумавшись говорит майор и останавливает взгляд на газете в руках Блаженко. На первой странице, у заголовка, изображен орден Ленина, которым награждена дивизия. — А вот скажите мне, товарищи, — Воронцов передает ordinarily пустой котелок, — скажите мне, у кого из них есть ленинизм?

— Ле-ин-изм? — переспрашивает Маковейчик, ошарашенный этим неожиданным вопросом. — Да, ленинизм. У кого из них есть такое учение, которое, как солнце, осветило дорогу всему человечеству?

— Ни у кого. — А у кого из них есть такое государственное, — постепенно повышает голос майор, — которое устояло, как скала, в этукую бурю? — Ни у кого.

— А у кого из них есть люди, которые, не сломав хребта, вынесли бы все то, что вынесли мы с вами? — Бойцы сидели, задумавшись. Даже в их молчании было что-то объединяющее. Видно было, что думают они не каждый про свое личное, отдельное, а про единое, одинаковое у всех. Это был момент той глубокой задушевности, которая так часто возникает у солдатского коства между людьми, прошедшими вместе долгий, тяжелый путь, сроднившимся в боях. И радости, и боли, и воспоминания, и перспективы давно уже стали для них общими, семейными.

Черныш достал из кармана треугольник письма и, наклонившись к окну, развернул его. «Который раз лейтенант его перечитывает», — подумал Хаецкий. Это было первое письмо от Шуры Ясногорской, полученное Чернышем сегодня.

Собрание писателей Киева КИЕВ. (От наш. корр.). На днях состоялось собрание писателей столицы Советской Украины, посвященное обсуждению итогов работы XI пленума правления Союза писателей СССР.

На основе постановлений ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У советские писатели Украины развернули решительную борьбу за повышение идейного и художественного уровня литературы. Не сделаны только первые шаги. Тов. Корнейчук призвал писателей шире развернуть критику и самокритику, еще более энергично работать над созданием произведений, отображающих советский патриотизм и рост индустриально-колхозной Украины, смелее разрабатывать проблемы социалистического реализма, усилить борьбу с буржуазным национализмом в украинской литературе.

В прениях по докладу тов. Корнейчука выступили гг. М. Рыльский, Л. Первомайский, Ю. Смолич, Е. Адельгейм, П. Панч, М. Шеремет и другие.

Гордость советского человека

А. БОРЩАГОВСКИЙ

Герои А. Гончары движутся на запад. Пройдя Румынию, перелезая через Трансильванские Альпы, они вышли на извилистые пашни Венгрии к Дунаю, к каменным громадам Будапешта. Правда, вышли не все. Ми помним о героической смерти Брянского на высоте 805, у рана Черныша и о других тяжелых убоях. Но полк Самиева движется вперед, приходят новые люди, имена тех, кто уже не сможет стать в строй, свято хранятся в сердцах живых.

«Голубой Дунай» есть такая деталь: в роте, которой командовал Брянский, давно появился новый командир, но ее попрежнему называют «ротой Брянского». Смейливый, похороненный на высоте 805, не забыт своими бойцами, с его именем они идут в атаку на врага, в этом — вечная слава Брянского. Сколько поводов была буржуазная литература в такой коллизии для демонстрации человеческого тщеславия, эгоцентризма, жестокости. И как поэзия, как правда и просто разрешается эта коллизия у Гончаров, молодого советского писателя, вчера еще бывшего солдата армии-освободительницы. Новый командир роты, старший лейтенант Кармазин, в прошлом директор школы на Черниговщине, ветеран войны, относится к этому факту с присущим ему философским спокойствием: «Я подхожу к людям не субъективно, а объективно, — не горюясь гонимым Иван Антонович, когда перешел за холма на эту тему. — Брянский заслуживает того, что его не забыли». В этих скупых, почти сухих словах, весь Кармазин — немогословный, справедливый, скрывающий позитивность своей натуры за презытыми доводами ума. Кармазин, пожалуй, наиболее яркая фигура из числа офицеров, появившихся только во второй части романа «Знаменосцы». Это пластический ясный, трехмерный образ, с резко очерченными индивидуальными чертами. Учительский тон Кармазина, его пропагандистская настойчивость, спокойная сосредоточенность и серьезность, даже как-то депривированность — все это сливается в цельный образ человека, идею и доводы, глубоко шитатского советского человека, ставшего за годы войны превосходным офицером.

Другим персонажем, с которыми А. Гончар знакомит нас впервые в «Голубом Дунае», поспешливостью гораздо меньше, хотя еще рано подводить итоги и выносить приговоры героям. Им предстоит еще долгий путь. Впереди две части романа, и то, что сегодня не стало главным, может быть завтра выдвинуто автором в самый центр событий.

Композиция «Голубого Дуная» — цельная, экономная, действие энергично собрано вокруг главного — штурма Будапешта, и потому эта часть романа имеет корону «Альфы». Хотя добрая половина книги посвящена движению полка Самиева по венгерской земле до Будапешта, она воспринимается, лишь как вступительная, как подготовительные главы к превосходной картине — штурму каменных кварталов города, завершающемуся взятием парламента и выходом к Дунаю в центре Будапешта. Штурм гостиницы «Европа» написан с большой художественной силой. Хорош офицер-артиллерист Саша Сиверцев, человек из породы капитанов Тушинских, скромный, мужественный, самоотверженный. Советский интеллигент, тонко чувствующий художник, до самозабвения влюбленный в свой Ленинград, он вынужден разрушать и уничтожать, жечь и разбивать, расстреливать и уничтожать художественной силой рассказано о потере Сиверцевым зрения, эта трагическая сцена не может оставить равнодушным никого из читателей «Голубого Дуная». Скупые ведутся рассказы о Воронцове и Самиеве. Почти ничего не прибавляется к тому, что мы уже знаем о них. Но подлинным героем «Голубого Дуная» становится Хома Хаецкий.

Образ Хома написан с какой-то озорной

внуком... За нашей спиной... Для того ль мы Румынию бурей пролетели, а всю Трансильванию на локтях проползли, чтоб там всякая нечисть снова голову поднимала?»

Простая и непосредственная натура, Хома верит в то, что мир будет переделан и весь вопрос заключается в том, как и кто возьмется за его переделку. Для Хома этот вопрос давно решен: строить должен сам народ.

Нет у Хома ни скрытого раболепия по отношению к чужому, богатому с вывески миру, ни зависти, ни жалости. Он с любопытством присматривается к чужой жизни, к ее устройству, к людям, отставшим от чего-то очень простого и важного. Тема Хаецкого — тема гордости патриота, тема морального, идейного превосходства советского человека — с огромной, почти символической силой звучит в предпоследней главе «Голубого Дуная». Хома попал в захваченное здание парламента. Торжественная обстановка, пышные росписи стен, гербы и картины уже не удивляют его. Усталый, он садится в кресло, на которое с уважением смотрит художник Ференц, демократ и друг России. Это кресло самого министра. «Министра? — Хома заглядывает под кресло. — Так что же? Сломается? Нет, как будто ступишь не хуже других. Мягкий, как раз для меня... Ты же знаешь, Ференц, что я конгужен...». Хома взирал на огромные фойе — своды законов и советует художнику «переступить» их изрядно, «какие хорошие — оставь, а какие плохие — переступь». На их место полки носятся, Хома подымается во весь рост и проносит громовую речь в пустынном зале палаты депутатов, обращая ее к вообразимому сборищу министров. Хома уверяет, советует, требует и предупреждает против новых авантюристов: «...Теперь я буду внимательно к вам прислушиваться... Не захотите жить мирно и ладно, будет вам горячо, как сегодняшним фрицам!.. Не усомнитесь, Ференц, не скаль збуй... У меня еще у самого такие, что гвоздь перекушу. И рука еще не слабеет. Да и сыны еще дома растут червонные, как калина, крепкие, как дольки... Я им пишу, чтоб смотрели с нашей Вулуги и на Дунай, и за Дунай, и на весь на белый свет...»

В «Голубом Дунае» Советская Армия-освободительница встает во весь свой величественный исподлинный рост. А. Гончар дает талантливое, волюющее изображение великой миссии советского человека, пришедшего народам Европы не учеником, а учителем жизни.

Идейной зрелости «Голубого Дуная» отвечает и возросшее писательское умение А. Гончаров. Его пейзажи красочны, порой декоративны, но отличный колорит, создающий единую живописную гамму во всей вещи в целом. Цвет и звук — вот что передает он лучше всего. Частые сравнения не утомляют читателя — они почти всегда точны, образны и оригинальны. Талант А. Гончаров щедрый, изобретательный, — кажется, что он пишет легко, быстро, но за многими строками, тонкими, экономными, скрывается большой труд. Одной деталью — угольками, падающими из поддувала, светящимися в темноте стволом миномета, мерцающей в колее воды Гончар, например, умеет создать ночной пейзаж. Но может быть, самым ценным писателя в диалоге, в письмах из деревни, в рассказе о перелете Хома и Кармазина, где нет и намека на море, — вдруг инвентаризация адмирала.

Хома, вспоминая все жертвы, понесенные Советской Армией, говорит Воронцову о своей обязанности «знать, как тучочки будут после нас».

— Ваше право, товарищ Хаецкий.

— Недавно вы слухом пришли, что в румынской дивизии, которая за нами стоит, ползала фашистские офицеры и мутят

Львов. (От наш. корр.). Недавно во Львовском областном издательстве «Вільна Україна» вышел роман Петра Козланюка «Юрко Крук». В этом романе показана беспрестанно тяжелая жизнь галицких крестьян, в недавнем прошлом угнетаемых австро-венгерскими помещиками и чиновниками. Рабочие-железнодорожники едут в деревне агитационную работу; жестоко эксплуатируются крестьяне, проникаются ненавистью к своим угнетателям и сочувственно относятся к агитаторам-революционерам. В центре произведения — мальчик Юрко Крук. Автор любовно рассказывает о его жизни, о том, как в условиях классовых борьбы формируется характер деревенского парнишки. Критика положительно оценила этот роман. Выход «Юрко Крук» совпал с двадцатилетием литературной и общественной деятельности писателя.

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львов. (От наш. корр.). Недавно во Львовском областном издательстве «Вільна Україна» вышел роман Петра Козланюка «Юрко Крук». В этом романе показана беспрестанно тяжелая жизнь галицких крестьян, в недавнем прошлом угнетаемых австро-венгерскими помещиками и чиновниками. Рабочие-железнодорожники едут в деревне агитационную работу; жестоко эксплуатируются крестьяне, проникаются ненавистью к своим угнетателям и сочувственно относятся к агитаторам-революционерам. В центре произведения — мальчик Юрко Крук. Автор любовно рассказывает о его жизни, о том, как в условиях классовых борьбы формируется характер деревенского парнишки. Критика положительно оценила этот роман. Выход «Юрко Крук» совпал с двадцатилетием литературной и общественной деятельности писателя.

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львов. (От наш. корр.). Недавно во Львовском областном издательстве «Вільна Україна» вышел роман Петра Козланюка «Юрко Крук». В этом романе показана беспрестанно тяжелая жизнь галицких крестьян, в недавнем прошлом угнетаемых австро-венгерскими помещиками и чиновниками. Рабочие-железнодорожники едут в деревне агитационную работу; жестоко эксплуатируются крестьяне, проникаются ненавистью к своим угнетателям и сочувственно относятся к агитаторам-революционерам. В центре произведения — мальчик Юрко Крук. Автор любовно рассказывает о его жизни, о том, как в условиях классовых борьбы формируется характер деревенского парнишки. Критика положительно оценила этот роман. Выход «Юрко Крук» совпал с двадцатилетием литературной и общественной деятельности писателя.

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львов. (От наш. корр.). Недавно во Львовском областном издательстве «Вільна Україна» вышел роман Петра Козланюка «Юрко Крук». В этом романе показана беспрестанно тяжелая жизнь галицких крестьян, в недавнем прошлом угнетаемых австро-венгерскими помещиками и чиновниками. Рабочие-железнодорожники едут в деревне агитационную работу; жестоко эксплуатируются крестьяне, проникаются ненавистью к своим угнетателям и сочувственно относятся к агитаторам-революционерам. В центре произведения — мальчик Юрко Крук. Автор любовно рассказывает о его жизни, о том, как в условиях классовых борьбы формируется характер деревенского парнишки. Критика положительно оценила этот роман. Выход «Юрко Крук» совпал с двадцатилетием литературной и общественной деятельности писателя.

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Львовская общественность на днях отметила эту дату литературным вечером. В зале Львовского дома культуры, где собрались работники науки, искусства и литературы, ученые и студенты, писатель Борис Бурж сделал доклад о творчестве П. Козланюка на двадцать лет. П. Козланюк — автор многих книг: «Огонь», «Из дней прощания», «Парад мертвых», «Путешественники» и др. Сыны крестьянина-бедняка из местечка Покутье, П. Козланюк прекрасно знает

Заключено печатание хрестоматии литературы народов СССР. В ней представлены фольклор и письменная литература шести союзных республик — Таджикской, Азербайджанской, Узбекской, Туркменской, Казахской и Киргизской.

Большое место отведено произведениям советских писателей. Переводы на русский язык сделаны лучшими поэтами и прозаиками. Составил хрестоматию Л. Климович. Книга хорошо оформлена.

НА СНИМКЕ: Обложка книги.

О книгах-уроках

Мы можем гордиться не только нашей литературой, но и замечательными достижениями в области оформления издательской продукции. Качеством нашей полиграфии.

Демонстрация этих достижений являлись выставки, организованные недавно в Москве. Госиздатом, Детгизом и 19 областных издательств. Посетители этих выставок имели возможность убедиться, что не только в столице Советского Союза, но и на периферии качеству книги уделяется исключительное внимание, о внешности изданий, художественности иллюстраций к ним у нас заботятся так же, как об их идейной и художественной ценности.

Это стало хорошим примером в нашей издательской отрасли. Тем досаднее видеть отступления от правила. От читателя поступают немало жалоб на технические недоработки книжной продукции, попадающую в их руки. Иногда лягусы, допущенные в книге теми, кому «ведать надлежит», носят совершенно недопустимый характер.

На некоторые страницы в книге неожиданно оказываются поставленными «верх ногами». То вы читаете роман, где конец перенесен в начало, а начало в конец. То издательство «поручило» вас какими-нибудь томами из полного собрания сочинений, резко контрастирующими цветом переплета или форматом ранее вышедшим томам (5 и 7 томы Мопассана, 6 и 15 томы Салтыкова-Щедрина — Гослитиздат). А то вы вдруг вынуждены сделать паузу в чтении и призадуматься над вопросом: с какой целью вам вдруг преподнесли книгу (вроде «Василия Теркина» А. Твардовского в издательстве «Советский писатель») со страницами в тексте, свободными от всяких печатных знаков. Для читателя пометок, что ли? Или это еще худшее: переставлены белые страницы — и нить повествования восстанавливается. А что делать читателю книги В. Шергина «Помощник корабельщика» (тоже «Советский писатель»), вынужденному сделать скачок со страницы 64 прямо на страницу 161? Может ли его компенсировать то обстоятельство, что зато последующие два листа (стр. 161—192) даны двукратно?

Или вот замечательный автобиографический роман Шолом-Алейхеа «С ярмакши» (издательство «Эмес»). Почти в каждой строке несколько опечаток, многие буквы стрелы, многие буквы отсутствуют, а цвет страниц самый разный: серый, желтый, белый, приближенный к серому, приближенный к желтому, приближенный к белому и т. д. Но зато жанр-реалистический был человек Шолом-Алейхей, но он упал бы в меланхолию от такой услуги!

Издательство «Советский писатель» выпустило исторический роман Ольги Форш «Михайловский замок», в котором оказались вытесненными страницы из... повести В. Овечкина «С фронтовым приветом».

Нельзя мириться с небрежностью и недобросовестностью, приводящими к появлению книг-уроков! Издательский брак в такой же мере нетерпим, как и брак в любой отрасли социалистического производства. Работники книжного фронта должны помнить, что они несут большую ответственность перед миллионами советских читателей, самых выскатых и чутких читателей в мире. И это чувство ответственности не может быть чуждо ни одному из нас, кто бы ни занимал быстрое и успешное движение наших издательств.

Э. ЯКОВЛЕВ.

„ЛИТАРАТУРА І МАСТАЦТВА“

ВМЕСТО ОБЗОРА ПЕЧАТИ

Более полугодия назад партийная организация Союза советских писателей Белоруссии обсуждала работу редакции газеты «Литература і Мастацтва» (орган Союза советских писателей Белоруссии и Управления по делам искусств при Совете Министров БССР).

Выступавшие писатели открыли ряд существенных пробелов в работе газеты: оторванность ее от актуальных вопросов современности, отсутствие серьезных статей по важнейшим проблемам советской литературы и др. Собрание потребовало перестройки работы газеты в духе исторически решенной ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Прошел достоянный срок, и можно уже сделать некоторые выводы относительно того, как справилась газета «Литература і Мастацтва» с задачами, поставленными перед ней.

Следует отметить, что редакция газеты по-настоящему ввязалась за перестройку своей работы в соответствии с новыми требованиями и добилась серьезных успехов. Много сделано газетой для пропаганды идей советского патриотизма. Номер от 1 мая целиком посвящен этой теме. На развороте под редакцией Янка Купалы «Слава бойцам нашей и ее партизан» напечатаны статьи о патриотических идеях белорусской литературы и искусства. Авторы убедительно показывали, как еще в далеком дореволюционное время замечательные белорусские поэты Янка Купала и Якуб Колас, вдохновляемые идеями освобождения своей измученной царизмом родины, вступили на путь революционной борьбы. При анализе советского патриотизма в творчестве белорусских писателей газета отмечает качественно новые особенности его.

Много патриотизм, которым одухотворены произведения советского периода, — новый, отличный. Никогда ранее в поэзии наших классиков литературы не звучала такая любовь к своей родной, такая готовность отдать за нее все силы и даже жизнь, как в советское время. И это понятно. Осуществилось то, о чем они мечтали. Белоруссия стала свободной советской социалистической страной, равной среди равных в семье народов СССР», — говорит газета о патриотизме Янки Купалы и Якуба Коласа 23-й номер газеты «Литература і Мастацтва» от 7 июня посвящен теме гордости советского человека в белорусской литературе. Здесь, кроме передовой: «Я гражданин Советского Союза!», помещены статьи Вл. Шаховца «Гордость советского человека» и др. Вл. Шаховец показывает, как искусство патриотической преданности советской родине, родному народу, чувству единности с ней стало основой в творчестве наших выдающихся белорусских поэтов, как Петрус Бровка, Аркадий Кулешов, Максим Танк, Пимен Панченко и др.

«Чувство единой семьи», — пишет «Литература і Мастацтва», — единой, могучей социалистической родины, самой величественной и прекрасной в мире, — это то чувство, которое живет в лучших произведениях белорусской советской литературы и искусства. Особое уважение среди народов Советского Союза вызывает великий русский народ, который, по выражению Пушкина, «является наиболее выдающейся нацией всех наций, входящих в состав Советского Союза».

Пропанганду советского патриотизма газета ведет из номера в номер, не ограничиваясь отдельными выступлениями. В номере 20 от 17 мая анализируются образы советских патриотов в спектакле «Константин Заслонов», в номере 24 от 14 июня — идея дружбы народов в творчестве лауреата Сталинской премии Петруса Бровки. Здесь же дана страница о собрании писателей Белоруссии, посвященном пропаганде советского патриотизма, напечатан доклад Михая Лынькова «Идея патриотизма в до-революционной и советской белорусской литературе» и заключение содержательного выступления секретаря ЦК КП(б) Белоруссии по пропаганде и агитации М. Т. Ювчука.

Когда советский народ, осуществляя решения февральского Пленума ЦК ВКП(б), направил огромные усилия на подъем сельского хозяйства, газета призвала белорусских писателей быть в гуще народа, своими произведениями помогать в возрождении сельского хозяйства республики. Этим теме посвящены передовая «Вместе с народом» (№ 17 от 26 апреля), стихи П. Саболени, М. Гомолика, статья «Первые восходы» и другие материалы. Еще ранее на страницах газеты на эту тему была напечатана поэма П. Бровки «Хлеб», удостоенная Сталинской премии. По примеру «Литература і Мастацтва» в республике появились журналы «Литература і Мастацтва» и «Литература і Мастацтва».

Попрежнему в ней очень редко выступают виднейшие писатели и деятели искусства Белоруссии. Круг авторов «Литература і Мастацтва» довольно узок. Не часто найдешь в газете статьи Якуба Коласа, Кондрата Крапыны, Петруса Бровки, Аркадия Кулешова, Максима Танка. «Литература і Мастацтва» иногда довольно робко критикует идейные срывы произведений белорусских писателей. Редакция недостаточно выступает против ошибок националистического характера в трудах некоторых белорусских критиков, стремившихся представить литературный процесс, как единый поток игнорировавших классовую оценку писателей прошлого. Редакция следует еще больше внимания уделять выращиванию молодых писателей, смеле пригласить их на страницы газеты.

«Литература і Мастацтва» вот уже 15 лет является боевым органом работников литературы и искусства Белоруссии. Следует пожелать ей на 16-м году существования острее отточить свое оружие, неустанно бороться за высочайшие и художественно-полноценные произведения.

Фольклор Великой Отечественной войны

Научные сотрудники Государственного литературного музея в Москве и Института этнографии Академии наук СССР подготовили к печати большую (30 печатных листов) сборник «Фольклор Великой Отечественной войны». В сборник вошли произведения народного творчества, созданные в годы войны на фронте и в тылу, в местностях, освобожденных от немецкой оккупации, в лагерях фашистских лагерях, где томился

и творческое превосходство над литературой современного Запада придает ей большую притягательную силу, действие которой испытывают на себе лучшие зарубежные писатели.

Влияние советской литературы тем более не может быть измерено количеством тех мотивов или приемов, которые переносятся из советских книг в произведения западных писателей. Ведь самый метод социалистического реализма возникает именно на почве социалистической действительности. Положительный герой советской литературы — это не просто человек, а человек, который является носителем лучших завоеваний — также мог появиться только в советской действительности. Даже в произведениях наиболее передовых революционных писателей Запада образы и приемы, разработанные советской литературой, приобретают по многому качественную и иную характер. Но гораздо важнее, что советские писатели, — их идейный и моральный облик, их отношение к миру, к народу, к своему творчеству, — представляют вдохновляющий пример для передовых литераторов за рубежом.

Современная западная культура пропитана ядом разложения, упадка. Даже честные и одаренные художники порою не могут устоять против действия этого яда. Развитие многих западных писателей за последние тридцать лет представляется ломаным лириком: шаг вперед, шаг назад, взлеты и падения. И весьма показательно, что почти все лучшее, что создано современными западными писателями, — будь то «Мертвые души» Гюго, «Пятая колонна» Хемингуэя или «Прозрачная гнев» Стейнбека, — возникло в периоды наибольшего приближения их авторов к идейному и творческому познанию советской литературы. Роль советской литературы в художественной жизни современного Запада определяется не только тем, что она сама существованием своим вносит оздоравливающую струю, активно противостоя гнилой «культуре» декаданса, но и тем, что она помогает честным западным художникам преодолевать нездоровые, упадочные тенденции в их собственном творчестве.

В целом же русское влияние в западной литературе разных стран и периодов — процесс широко разветвленный и многообразный по своим конкретным творческим проявлениям. Долг советского литературоведения — изучить этот процесс не только во всем его грандиозном объеме, но и во всей его сложности.

Конференция писателей Эстонии

ТАЛЛИН. (От наш. корр.). 14 июля здесь состоялась конференция советских писателей Эстонии, посвященная обсуждению работы эстонских писателей после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Доклад на тему «Эстонская советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года» сделал председатель Союза советских писателей Эстонской ССР И. Семлер. Он рассказал о заметных сдвигах, происшедших в литературе республики, о благотворном влиянии, которое оказало постановление ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства на творчество писателей Эстонии.

Докладчик проанализировал имеющиеся недостатки в работе ряда писателей и призвал эстонских литераторов создать произведения, достойные нашей великой эпохи.

На конференции выступил председатель президиума Верховного Совета Эстонской ССР Э. Палль, секретарь ЦК КП(б) Эстонии по пропаганде А. Радик, О. Ургарт, М. Лаоссон, Ю. Шумуль и другие.

Конференция приняла резолюцию, в которой намечены конкретные меры для дальнейшего подъема эстонской советской литературы.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ЗАПАДЕ

Подчас статьи о русско-западных литературных взаимоотношениях превращаются в перечень фактов, в некую сумму мнений: Тургенев повлиял на Джорджа Мура, Достоевский — на Бурже, Чехов — на Кэтрин Мэксфилд и так далее.

Разумеется, всякий факт очевидного взаимодействия иностранным автором тех или других элементов сюжета, образов, персонажей у русского писателя должен быть известен. Но ни в коем случае нельзя извлекать русское влияние в западной литературе количеством прямых подражаний.

Каждый случай непосредственного заимствования, сделанного иностранным художником у русского, требует критической проверки. Это нетрудно проследить на конкретных примерах.

Л. П. Гроссман в книге «От Пушкина до Блока» доказал, что в новелле Анри де Ренье «Гайна графиня Барбары» использован сюжет пушкинской «Пиковой дамы». Знакомство Анри де Ренье с «Пиковой дамой», переведенной Мериме и широко известной во Франции, не подлежит сомнению. Сопоставление решающих моментов сюжета обоих произведений налицо. И, тем не менее, какое кардинальное несходство! Анри де Ренье увидел в пушкинской повести лишь острую романтическую ситуацию, его привлекал в «Пиковой даме» элемент загадочного, устрашающего, необычного; именно в таком духе и работал он на мотивы «Пиковой дамы» в своей новелле. Писатель эстетически остался недостаточным, самое важное в произведении Пушкина: социальную-философскую проблематику, обличение губительной власти денег. Если «Пиковая дама» потрясает глубиной раскрытой в ней человеческой трагедии, то «Гайна графиня Барбары» заставляет читателя любоваться известным художественной отдели, но оставляет его внутренне холодным.

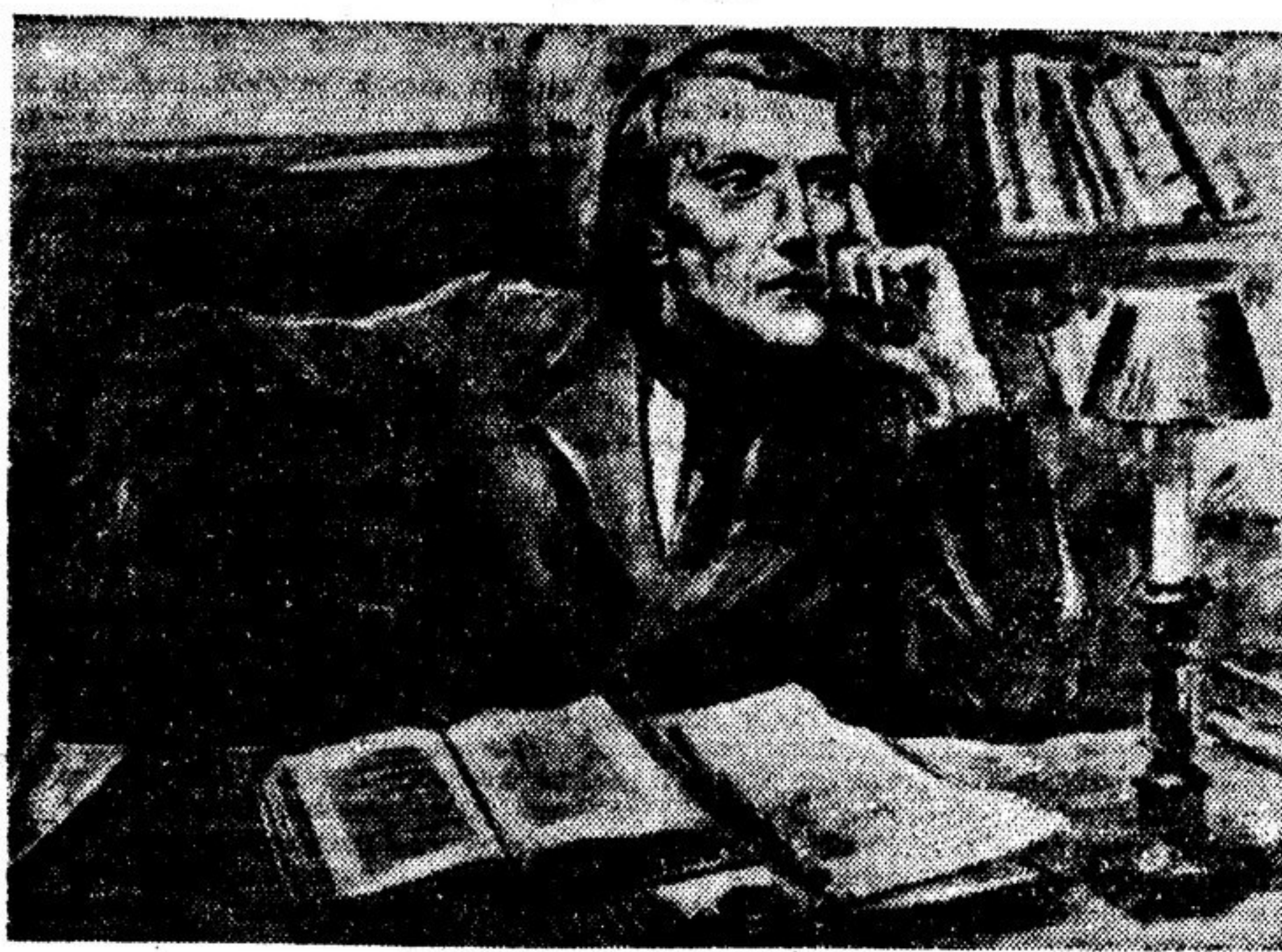
Не так давно М. П. Алексеев с исчерпывающей убедительностью доказал, что одним из источников романа Золя «Счастые дамы» является «Что делать?» Чернышевского. Попытки улучшить условия труда и быта продавцов модного магазина, которые предпринимает героиня романа Золя, умная и энергичная девушка Дениза, кое-как воспроизводит начинания Веры Павловны. Есть некоторое сходство и в сюжете романа. Но в произведении Золя отсутствует тот пафос преобразования жизни, который составляет суть романа Чернышевского. Реформы, производимые Денизой, вполне уместны в рамках буржуазной филантропии и ничего революционного в себе не заключают.

Таким образом, наличие прямых фабульных параллелей еще не говорит о глубоком усвоении русского влияния западными художниками. Подчас идейный и моральный уровень русских образов был несомненно даже для крупных западных мастеров. Русское влияние осуществлялось в литературе Запада не гладко и беспрепятственно, а в процессе противоречий и борьбы.

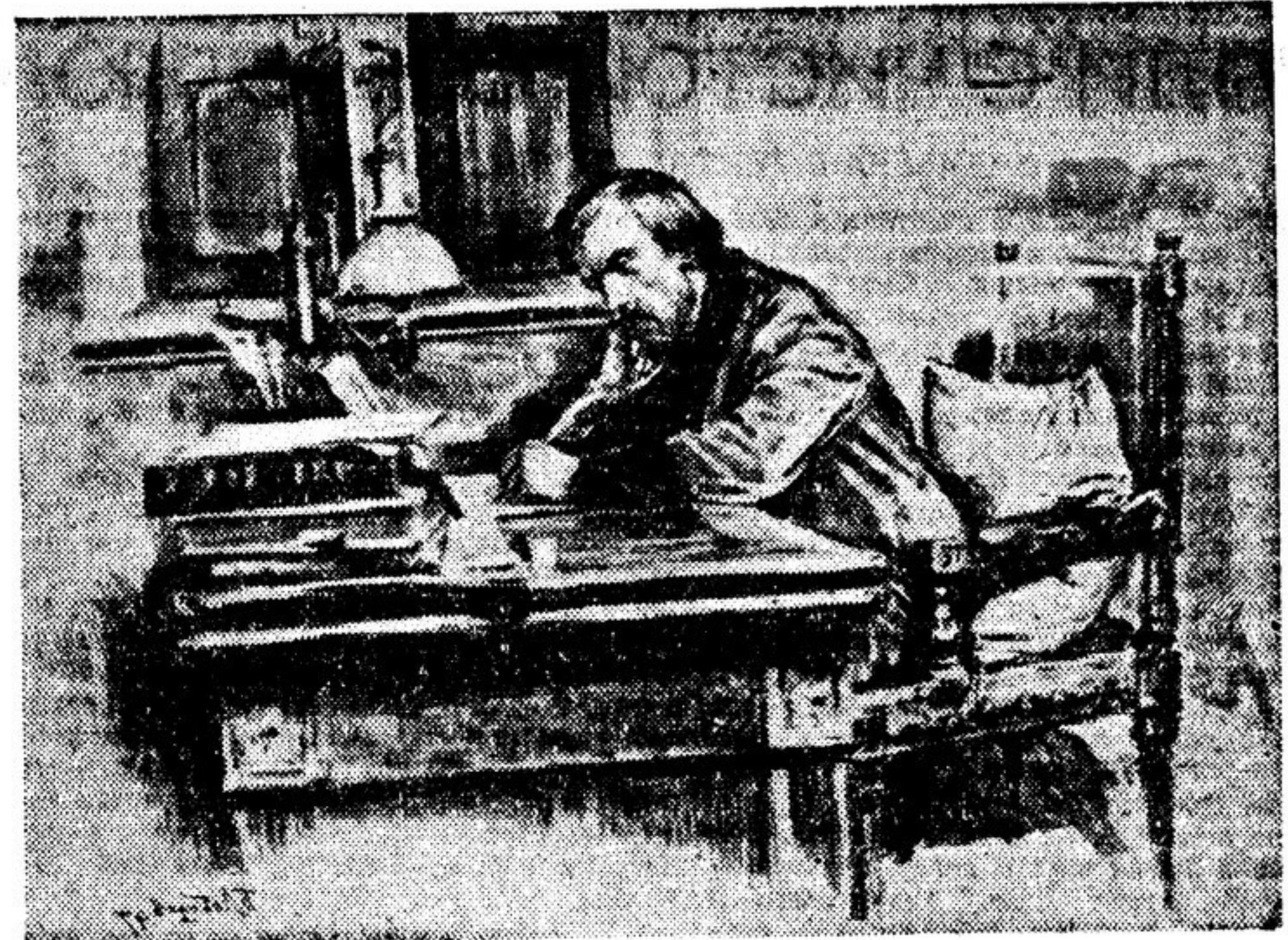
Самое важное — найти те основные линии, по которым шло воздействие русской литературы на духовную жизнь писателей Запада, найти те общие закономерности, которые определили ее роль в мировом литературном процессе.

Важно отметить, что в течение последних трех четвертей века почти все ведущие писатели Запада так или иначе пытались осмыслить опыт русской литературы и свое отношение к ней.

Предисловие Золя к французскому изданию публицистики Толстого: две статьи Мопассана и статьи Гери Дюжисса о Тургеневе; статьи Уильяма Дин Гузласа о Толстом, в которых были поставлены актуальные проблемы американской литературы; рецензия Оскара Уайльда на «Жизнь и оскорбления» Достоевского; эссе Томаса Манна «Ете и Толстой» и его статьи о русской литературе; книги Стефана Цвейга о Толстом и Достоевском, его же статьи о Горьком; книга Романа Роллана о Толстом и его многочисленные высказыва-

Художник Б. Лебедев (Пенза) заканчивает работу над серией рисунков «Жизнь Беллинского». Публикуем три рисунка из этой серии.

Ф. КРАВЧЕНКО В ПЕРВЫХ РЯДАХ

Сергей Тутаринов, герой новой повести Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», в беседе с депутатом Верховного Совета Бойченко говорит:
«Я часто думаю о фронтовиках, которые вернулись в свои колхозы. Когда я шел домой, в вагоне мне попалась книжка, названная «Я не помню». В ней рассказывалось о том, как фронтовики в промежутках между боями писали письма в тыл своим друзьям и знакомым. Письмо было написано от души, в нем было много новых, интересных мыслей и деловых советов. Читая его, чувствуешь, что писали его те, для кого и на войне было небезразлично, что делают и как живут люди далеко от фронта... Когда писалось письмо, наши войска только-только подходили к границам, война была в самом разгаре. Если бы мне в то время попалось это письмо, я охотно бы подписался под ним. Но теперь война победила завершена, и те, кто писал это письмо, уже дома. Значит, положение изменилось: не только давай деловые советы, но и сам не стой в стороне, а засучив рукава... Я бы теперь так сказал: «Эй, фронтовики, а ну, кто там писал письма тыловикам, кто учил, как надо жить и работать! Подходите ближе, становитесь в первые ряды и покажите на живом примере, как это делается!» И, когда я думаю, как же должны теперь проявить себя бывшие воины, мне кажется, что именно им суждено стать вожаками, организаторами...»

Бабаевский сумел увидеть самое главное: инициативу масс, трудовой подвиг, связанный с выполнением новой сталинской пятилетки. В произведении показаны, как бывшие воины становятся вожаками масс. До возвращения танкиста, Героя Советского Союза Тутаринова в родную станцию Усть-Невинскую председатель станичного совета Савва Остроухов больше мечтал, чем записывал, а председатель райисполкома на Федор Луккин Хохлаков даже мечтал не хотел. Человек с большими заслугами в прошлом, Хохлаков успокоился на достигнутых успехах, он не хочет двигаться вперед и мешает людям, стремящимся к новым победам. Возвращение Сергея Тутаринова в станцию оказалось более чем своевременным. Недаром автор подчеркивает: «Давай согласие на увольнение. Сергей из армии, генерал решил, что такой офицер, как Тутаринов, там, в кубанской станции, теперь, пожалуй, нужнее, чем в дивизии...»

Мы не знаем, как будет развиваться Сергей Тутаринов, повесть кончается тем, что ему доверили очень важный и ответственный пост председателя исполкома. Но все работа Тутаринова после возвращения из армии — разработка пятилетнего плана для станицы, поиски необходимых материалов, заготовка строительного леса — дает основание для самых оптимистических выводов. Нельзя сомневаться в том, что Сергей Тутаринов хорошо справится и с новыми обязанностями.

Сергей Тутаринов не запомнил названия книги Валентина Овечкина, но его возмущали письма фронтовиков — героев повести. Громя врага, он жил на фронте той же мечтой, что и они. И деятельность, которую Сергей развернул после возвращения в родную станцию, была осуществлением этой мечты.

Семену Бабаевскому удалось нарисовать образ нового вожака, способного на большие дела во имя заветной мечты — построения коммунизма. Сергей стал на войну Героем Советского Союза, но он не хвастается былыми заслугами. Он увлечен новой мечтой, он борется за расцвет родного края, родной страны.

Ранние произведения Бабаевского были не лишены некоторой схематизации в изображении героев. Повесть «Кавалер Золотой Звезды» в значительной степени свободна от этого недостатка.

Ярко и выразительно нарисован характер Сергея Тутаринова — колхозника, обогащенного опытом Великой Отечественной войны, умного, развитого, настоящего, энергичного. Это — представитель новой интеллигенции, созданной в нашей стране за годы советской власти. У него широкий кругозор, большая размах, ему свойственны большевистская деловитость, инициативность. В формировании его характера война имела большое значение. «Он разговаривал с Саввой Остроуховым, встречался с колхозниками, с трактористами, побывал у Рагулина, у Арташова, а все думал о войне. По дорогам встречались противотанковые рвы, поросшие бурьянами, свежие курганы на высотах, а под курганами черные глаза амбразуры. Он видел равные надолбы, торчащие на лобовом, — поле так и не пахалось все эти годы. Смотрел на разбитый дом на станции, на развалины школы, разрушенные здания, и забывал о войне... Война стояла перед ним, и забыв ее, не думать о ней Сергей не мог...»

С. Бабаевский. «Кавалер Золотой Звезды», «Литературный журнал», № 4 1947 год.

Н. МАЦУЕВ „Горьковский семинарий“

Справочная литература о Горьком пополняется новой большой работой, принадлежащей С. Валухатову, автору капитальных библиографических трудов о Горьком. «Горьковский семинарий» предназначается для учащихся высших учебных заведений, но к новому справочнику, содержащему богатый материал, будут обращаться не только студенты, а и литературоведы, критики и все, интересующиеся жизнью и деятельностью великого писателя.

Труд С. Валухатова разделен на пять отделов: I. Изучение жизни и литературного наследия Горького; II. «Канва жизни и творчества Горького»; III. «Темы для самостоятельных работ»; IV. «Основная библиография изучения жизни и творчества Горького» и V. «Примемы литературно-критического анализа».

«Канва жизни и творчества Горького» — самая полная и разработанная летопись жизни Горького из всех существующих.

Менее удовлетворителен обзор важнейшей литературы о Горьком, озаглавленный «Изучение жизни и литературного наследия Горького». Эта статья должна критически переосмыслить всю литературу о писателе.

ИСКАЖЕНИЕ ПОДЛИННИКА

Возникало страстное желание свершить подвиг, равный тому, который свершил на фронте... Тутаринов показан автором астороно-ро в это живой человек, горячий, увлекающийся, иногда даже несколько наивный. Герой Советского Союза, которого, как это утверждает его друг Семен Гончаренко, должны встречать духовым оркестром, воплощает «с первого взгляда» в незнакомую молодую колхозницу, которую он увидел в степи.

Сергей проявляет почти мальчишескую горячность, развывая девушку. Он способен после очень важного собрания, где решалась судьба колхозной пятилетки, галопом мчаться на несделанном коне к своей любимой, а потом, возвратившись на рассвете домой, обнять мать, что «соображение зрительское».

Вскрывая образ своего героя, автор ничего не оставляет ничего из подкрываемого. Его можно упрекнуть лишь в том, что он порой корит фигурой Сергея Тутаринова заслоняет многих других героев повести — деятель колхозной станицы. Не поддается развитию интересно задуманный характер Саввы Остроухова. Мы знаем, что Сергей начал осуществлять мечту Остроухова о новой культурной жизни в станице. Но процесс «перерождения» Саввы Остроухова, по-видимому, что о новой жизни нужно не только мечтать, что ее надо строить, изображать очень бледно. Весьма бледно, холодно и красочно показан Бабаевский трест в различных предельных колхозов: туташа, Арташова, Рагулина, А. Патария, в одном из них — Рагулина, ренциальном ином хозяйстве, выражены различные черты колхозного крестьянина, появившего смысл и выгоду общественного хлесторства.

В повести непомерно разрослась история любви Семена и Анфисы, сестры Сергея, «потеснившая» многие другие эпизоды, а развитие их помогло бы писателю глубже раскрыть идею произведения. Справедливо требует отметить остроумие автора в изображении «сваатов», которых Семен посылает к родителям Анфисы, не желаяшим выдать ее замуж за «пришельца», весьма незначительно отозвавшись об их родной станице. Однако этот эпизод не только ничего нового не вносит в наше представление о колхозном быте, но даже несколько снижает образ молодого коммуниста Семена Гончаренко. Чувствуется, что автор не совсем еще избавился от некоторого налета «литературщины», которой отмечены его ранние произведения. Стареясь усилить логично понятию значительности рассказа, Бабаевский иногда вводит в свою талантливую повесть ситуации и детали, лежащие за пределами хорошо изученного им жизненного материала. Стремление «покорить» читателей, а не рассказать о действительности Рубцова-Емичинского приводит С. Бабаевского к тому, что он невольно затупляет резко отрицательную сторону «деятельности» этого подполковника и болтуна. Сатирическая острота, на которую безусловно способен автор, переходит в мягкий и безобидный юмор.

Есть еще один недостаток в повести «Кавалер Золотой Звезды» — это, как нам кажется, можно объяснить излишней робостью автора. Бабаевский изображает Федора Луккина Хохлакова уставшим и больным человеком. Именно поэтому его, якобы, надо заменить другим руководителем, способным поднять массы на выполнение и первополнение пятилетнего плана колхозного строительства. Показавшись вместе с Сергеем Тутариновым с положением в районе и особенно в станице Усть-Невинской, мы видим, что этот старый человек давно перестал быть тем, кого хотели в нем видеть избиратели: он не только не помогал, но определенно тормозил выполнение пятилетнего плана. И не безликая заставляла его так поступать. С. Бабаевский смягчает остроту конфликта, вводит какие-то объективные причины, объясняющие негодность Хохлакова, как руководителя, он смягчает борьбу нового с отживающим, с тем, что тормозит наше движение вперед.

Именно так, где автор доверяет своему писательскому таланту, особенно в станице, и природа обретают замечательную ясность и убедительность. Замечнее всего сказало это в главах, посвященных изображению лесопосады. Все лучшие качества руководителя и организатора раскрываются в Сергее Тутаринове в эти напряженные дни, когда он умело находит нужных людей, помогает им налаживать сложный процесс сплава леса по бурной реке.

Ясно и точно воспроизводит автор картины славя: «Четыре парня — среди них был и Гришко — вырывали бревно по бровям берега и стаскивали в воду. Брызги взлетали выше бревна, в устье отбывало много пара, и в воздухе стояла пыль. Вдалеке тоном, но вскоре не вдали и десяти метров, над водой показывалась черная полоса, точно сияла огромной рыбой, и бревно, легко покачиваясь, быстро уносилось вниз по течению...»

Знание жизни, людей, острое чувство современности, — все это дало С. Бабаевскому возможность создать интересное и нужное произведение.

В. Гольцев. «Горьковский семинарий», «Литературный журнал», № 4 1947 год.

В. ГОЛЬЦЕВ ИСКАЖЕНИЕ ПОДЛИННИКА

Давид Гачециладзе принадлежит к числу одаренных грузинских поэтов, к сожалению, у нас малоизвестных. Он начал свой творческий путь вместе с Симоном Чиковани, Бесо Жгенти и другими писателями-футуристами из группы «Мемарихецеба» («Левизна»). В дальнейшем Гачециладзе, как и Чиковани, отошел от этой группы и стал на правильный путь социалистического реализма.

В творчестве Д. Гачециладзе образы истории не заслоняют явлений действительности. Его поэзия откликается на самые разнообразные темы современности. Поэт пишет о товарище Сталине, о Москве, о преобразлении деревне, о новом Тбилиси. В дни Великой Отечественной войны Д. Гачециладзе в своих стихах воспевал великого братишку и героям советских людей, и эти стихи звучали особенно мужественно и страстно.

Появление на русском языке хорошей книги Д. Гачециладзе следовало бы приветствовать. Однако переводчик сделал из них завязку, чтобы из хороших стихов сделать плохие.

Весь сборник, за исключением одного стихотворения, неплохо переведено А. Патария и Р. Иваневым под редакцией поэта В. Чинчиладзе, который не проявил достоянного внимания к работе. Читая их «переводы», сначала смеешься, а потом начинаешь возмущаться. От мужественной поэзии автора не осталось и следа. Получились какие-то старомодные, напыщенные, бледные стихи. Если бы не современные темы стихотворений, мудро было бы догадаться, что перед нами книга сороковых годов XX века. Мало того, А. Патария, не обладав достаточным знанием русского литературного языка, допустил много неграмотных оборотов, ударений и т. п. Он искажал образы автора, сделал их плоскими и бесцветными. В переводческих «сопятих» А. Патария мы находим такие перлы: «Спят земля, ей зашишь служит одром», «Ветерок, что воздух чух лису», «С воркочаньем ползает змея»; «Не погрязай нас раздуленно...»; «Праж мятежный хочет отдохнуть»; «Зефир влохнул поэта скорбный рог...» и т. д.

О Кольдике, где развернулись гигантские работы по осушению вековых болот, говорится так:
Утопнем, рабшито павлуно
Полобно было лето средь болот.

О знаменитом герое завоевания Арктики Седове мы вынуждены читать:
Но дни прошли, и лишь собачий лай
Оплавивая лед его могилы.

А о мужественном пограничнике сказано:
Все же улыбался безмятежно,
Что меня до плача довело...

Обратимся к переводам Р. Иванова. Их надо квалифицировать просто как недобросовестное отношение к ответственному стилистическому, написанному в соответствии с выбором в Верховном Совете «слово «кандидат» почему-то заменено словом «депутат». В стихотворении, посвященном Давиду Гачециладзе Абри Барбосу, говорится о двух родинах великого французского писателя-коммуниста — Франции и СССР. Что сделал Р. Иван в этом стихотворении, — пусть судит сам читатель:

В одной ты видел врак тяжелой ноши
И луны луч, скользкий с твоей серой,
Там, где еще как бы моргали очи
На голубой нежной Родельере,
Там, где еще сохлещет кровь Марата,
А он лежит оном в гудии прозенной,
Там подвиги, что нами чтились свято,
Деят в обложке книги запыленной.

Вывод ясен. Переводы стихов Д. Гачециладзе на русский язык сделаны непотребно плохо, они дают совершенно искаженное представление о поэте. Пора положить конец такому рода переводческим упражнениям, компрометирующим в глазах советских читателей и автора и переводчика. Нельзя также поручать редактирование книг литераторам, не являющимся специалистами в этой области и недостаточными знающими русский поэтический язык.

Давид Гачециладзе. Стихи. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1946 год, 80 стр.

М. ЧЕЧАНОВСКИЙ Книга о П. Бажове

Примечательно, с какой быстротой «Малахитовая шкатулка» П. Бажова, почти безупречно, по-уральскому писателя, получила подлинное народное признание, — стала значительным явлением нашей литературы. Так было и прежде, с произведениями, которых давно ждали, которые вызваны жизнью и ей необходимы.

Однако значение «Малахитовой шкатулки» для нашей литературы оставалось незамеченным, и потребность читателя в литературоведческой книге о П. Бажове неудовлетворенной.

Л. Скорнио проявила хорошую инициативу, переиздав через сложившуюся у нас ложно-академическую традицию откладывать изучение творческих биографий наших современников «на потом». Л. Скорнио дает не только подробные биографические сведения, но и интересные наблюдения, как особенно ценно, — в малом секрет эстетического воздействия «Малахитовой шкатулки», книги о давно ушедшем в небытие прошлом уральских горняков на нашего современника. Она задается целью найти по горячим следам истоки этого произведения в неписанной народно-поэтической истории края, установить его связь с уральским рабочим эпосом.

Л. Скорнио. «Павел Петрович Бажов», «Советский писатель», 1947, 273 стр.

Низами в русских переводах

Творения великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Ганджевиде, к глубокому сожалению, мало известны русскому читателю. Правда, на долю нашей отечественной науки выпала честь «первого открытия» Низами: почти сто лет назад проф. Казанского университета Эрман впервые опубликовал образцы произведений Низами с переводами на латинский и немецкий языки. Это было начало знакомства с Низами в России, знакомства узких специалистов-востоковедов. На Западе Низами совсем не знали, и утверждения некоторых дилеттантов, будто Гете читал Низами, покоятся на недоразумении: он мог знать об азербайджанском поэте только понаслышке.

Разумеется, до Великой Октябрьской социалистической революции о стихотворных переводах Низами на русский язык не могло быть и речи. Ленинско-сталинская национальная политика подняла на необычайную высоту интерес к культуре и литературе народов, населяющих Советский Союз. Уже сделано много, но еще недостаточно для ознакомления широких масс советского народа с произведениями таких гигантов мировой культуры, как Шота Руставели, Низами Ганджевиде, Алишер Навои. В этом отношении важнейшую роль играют переводы на русский язык и языки других народов СССР.

Государственное издательство художественной литературы сделало ценный вклад в сокровищницу нашей литературы, выпустив книгу Низами в переводах русских поэтов.

Чтобы понять, какие трудности стоят перед переводчиками Низами, надо ясно представить себе специфику этого литературного языка и творчества в целом. Низами жил и творил в XII веке в Гандже (ныне Кирибале), на территории Азербайджана. Поэт писал на языке фарси, бывшем литературным языком Ближнего Востока и имевшем уже большие традиции.

В ту пору, когда страна находилась в руках феодальных вассалов, дробивших землю и заводивших кровавые междоусобицы, Низами открыто выступил против свояволия и жестокостей правителей, против их сепаратистских устремлений. Поэт предпочитал стоять в стороне от придворной жизни. Поэзия феодальной аристократии с ее искусственным, архаичным, вычужденным языком была чужда Низами и враждебна его настроению. Хотя по условиям эпохи поэт и пользовался персидскими литературными языками, однако он отказался от традиций фарси и других предшественников. Он нашел свой стиль, свой язык поэзии, в котором было много субъективного, большого количество лирических и дидактических отступлений. Философия, к которому Низами относился с большим уважением, создал монументальные полноты героической поэмы, нарочито скрывая свои чувства и переживания за тенью эпического повествования.

Стиль Низами — это стиль воинствующего поэта, проповедника самых передовых идей своего времени. В соответствии со своими задачами гуманист-просветителя, Низами молниеносно язык поэм, вводит в них арабские слова, термины и выражения, когда это необходимо и когда он не находил соответствующих русских слов. Он не стремился к формальным ухищрениям и старается говорить простым и лаконичным языком поэтических образов.

Но, несмотря на это, чтение стихов Низами, как и их перевод, представляет огромные трудности. Обычно переводчику и читателю трудно преодолеть предельную «восточную метафоричность». Под этим термином мы разумем сложные и вычурные образы, нарочито «зоборетаемые» поэтами Востока. Искусственность и огороченность реальной жизни таких образов — обычное явление в поэзии мусульманского мира. Но у Низами дело обстоит несколько иначе. Его образы трудны не потому, что нарочито усложнены, как это мы видим, например, у Хаки, а потому, что они очень реальные и требуют точного знания деталей быта и исторической обстановки эпохи Низами. Многие из этих образов взяты из сокровищницы народной мудрости: «Вскинула она, что с отвагой ливнойной / Он солнце замазат пытался глиной». («Искендер-наме»)

Низами. Пять поэм. Редакция Е. Бертельса и В. Гольцева. Гослитиздат, Москва, 1946 год, 82 стр.

Александр ДЕЙЧ

«Замазывать глиной солнце» как и «закрывать бровью небо» — провербальные выражения, означающие: «пытаться сделать невозможное» или «скрыть очевидное».

Низами все сравнения и эпитеты заимствует из обиходной жизни, пользуется для этого названиями планет, предметами домашнего обихода, терминами шахматной игры, охоты и т. п.

Читателю вправе требовать от переводчика, чтобы тот не упростил эти образы, не снял их «для удобства», а донес в по-настоящему форме.

Возможно ли это? Конечно, но для расшифровки образов и метафор требуется соответствующий комментарий. Хотя он несколько осложнит непосредственное восприятие текста, но тут ничего не поделаешь. В утешение можно сказать, что даже во времена Низами его произведения достаточно для ознакомления широких масс советского народа с произведениями таких гигантов мировой культуры, как Шота Руставели, Низами Ганджевиде, Алишер Навои.

Таким образом, пять поэм Низами, представляющих особый язык «Хамсы» («Пять поэм»), чрезвычайно своеобразны по языку, системе образов и композиции. Проф. Е. Бертельс хорошо раскрыл сущность строения «Хамсы». Низами: «всякая поэма Низами имеет как бы двойную структуру: перед читателем разворачивается традиционное повествование, полное действия, арко и живо обрисовывающее характеры с классической четкостью сочетающиеся элементы фабулы в одно гармоничное целое. Но, параллельно этому, каждый бейт или, иногда, пара бейтов опять-таки являет собой композиционное целое, могущее дать художественное наслаждение даже в виде контекста. Другими словами, на основной поэме как бы наложена бесконечная цепь отдельных миниатюр, так же отдельных и законченных, как и все большее целое».

Уже из сказанного видно, какие задачи встают перед поэтами, берущимися за переводы поэм Низами. Их труд можно сравнить с трудом человека, который хочет донести в пригнорие чрезмерно большое количество драгоценных камней: он неизбежно должен потерять некоторые из сокровищ, и это знает, какие из них безвозвратно выпадут из его рук.

Конечно, переводчик первым делом стремится сохранить мысль поэта, сюжетные ходы, развитие действия. Но одного этого мало. Каждый бейт имеет определенное строение и звучание, которое нельзя передать в точности на другом языке. Однако было бы грубой ошибкой воплотить богатство содержания поэм Низами в форму, ей не соответствующую.

Редакторы «Пяти поэм» Низами Е. Бертельс и В. Гольцев поставили целью ознакомить русского читателя с наиболее характерными отрывками из «Хамсы» и дали нечто вроде антологии, вполне достоянной для первого знакомства с великим азербайджанским поэтом.

Иного выхода и требовать нельзя. Надо не забывать, что «Хамсы» — оригинальное сочинение шестидесяти тысяч строк, причем повторениями поэм страдают длиннотами и повторениями, которые естественны для поэзии того времени.

Над переводами «Хамсы» трудились коллектив поэтов-переводчиков различных поэтических направлений и приемов. Поэтому редакция не могла добиться единого стиля в переводе текстов Низами, каждый поэт привнес много своего, субъективного.

«Хамсы» открывают дидактическую поэмю «Сокровищница тайн». Здесь Низами выступает как разоблачитель зла и насилия, как защитник тружеников, угнетенных феодалами. Каждая глава поэмы состоит как бы из двух частей: теоретической, выдвигающей определенное положение, и прицип, в образной форме подтверждающей теоретическое. В «Сокровищнице тайн» по самой сущности на первом месте мысль, афористическая точная и поучительная. Маршата Шагиния, переводя отрывки поэм, стремилась к наибольшей точности.

Итак, мы видим, что переводчик первым делом стремится сохранить мысль поэта, сюжетные ходы, развитие действия. Но одного этого мало. Каждый бейт имеет определенное строение и звучание, которое нельзя передать в точности на другом языке. Однако было бы грубой ошибкой воплотить богатство содержания поэм Низами в форму, ей не соответствующую.

В старых горняцких сказах «Хозяйка Меланой горы» обрывает тайну своих сокровищ. У Бажова она превращается в хрипелю и острое чувство детали. Бажов не столько записал, сколько услышал рабочий эпос, как он остался в памяти, в культуре уральских людей.

В книге приводится одно важное призна-

Можно смело сказать, что ее перевод наиболее близок к смыслу подлинника.

Хуже обстоит дело со стихотворной техникой поэмы в переводе М. Шагиния. Сам Низами указывал, что он здесь «воздал должное красочности», другими словами, стремился к совершенной отделе стику, применяя сложные технические приемы. Между тем, бейты Низами звучат по-русски далеко не безукоризненно. Переводчица дает неточные рифмы и ассонансы: вроде «змея и «изъян», «какова» и «сковать», «подлугорья» — «почет» и др. Многие строки трудно произносятся:

Некий меткий с арканом — засаду сел. Или:
Сокровище я — не в Каруна мошна,
Хоть я не с тобою, но все ж и не вне.

Тут дело, разумеется, не в «ловле блох», а в том, что М. Шагиния принесла поэтическую форму в жертву абсолютной точности, что ослабило качество перевода. Диаметрально противоположна творческая манера П. Антокольского, переводчика «Лейли и Меджнун». М. Шагиния пошла к «своей задаче, если можно так выразиться», аналитически: разложила переводческие отрывки на отдельные бейты. П. Антокольский, напротив, синтетически охватил всю поэму в целом и на первое место поставил ее поэтическое звучание. Он взял главное: страстную эмоциональность народного предания, воссоздал по-своему знойную атмосферу, в которой разворачивается действие, и, пренебрегая точностью перевода, дал увлекательное повествование в хороших звучных стихах.

Нельзя утверждать, что это — подлинник Низами на русском языке, но это Низами такой, каким его воспринял крупный и яркий поэт наших дней.

К. Липскеров дал перевод «Хосрова и Ширин», пожалуй, значительнейшей из всех поэм Низами. Здесь сложность не в афористичности, как в «Сокровищнице тайн», не в необходимости поэтического воссоздания эмоционального напряжения «Лейли и Меджнун», а в четкой обрисовке психологических образов Хосрова, Ширин, Ферхад. Эту чрезвычайно важную сторону поэмы Низами К. Липскерову удалось передать, и он приблизился к стилю подлинника больше, пожалуй, чем другие переводчики. Но вместе с тем перевод К. Липскерова страдает неровностями, и наряду с удачными стихами мы находим слабые строки.

Пожалуй, такой же упрек в неровности перевода можно сделать и В. Держанину, переводчику поэмы «Семь красавиц». Это — замечательная цепь восточных сказок, плод грез и мудрой фантазии Низами. Порой В. Держанину удается с легкостью овладеть певучим и гибким стихом Низами: Гнацинт петлей аркана брал гавоцику

в плен,
И язык у аргавана отнял земля.
Амброю благоуханной та была земля.

Однако иногда В. Держанин труднее преодолевает материал, и тогда стих становится тяжеловеснее, скучнее и менее выразительным.

Слабее всего в сборнике представлена поэма «Искендер-наме». Приходится пожалеть об этом, так как знание поэмы об Александре Македонском чрезвычайно велико для понимания общественно-политических взглядов Низами. Поэт создал образ идеального правителя и насыщает свою поэму высказываниями о философии, политике, литературе и искусстве. Это — не трактат, а живой, наполненный приключениями и подвигами, своеобразный роман. В переводе отрывков участвовали Б. Лебедев, Я. Кейдуз и С. Шервинский. Переводчики, естественно, разошлись между собой в методе работы: владение четкой поэтической манерой и системе образов переводов. Опасный эксперимент даже при опытной редакторской руке не дал должных результатов.

Мы говорили, главным образом, о недочетах работы переводчиков над поэмами Низами. Великое имя азербайджанского поэта призывает к приличной критике эти переводы. Но вместе с тем нельзя не отметить, что это — первая серьезная попытка передать творения Низами на русском языке, за которую следует выразить признательность и всему коллективу поэтов-переводчиков, и редактору В. Гольцеву и проф. Е. Бертельсу, собравшим книгу содержательной статьи и хорошим комментариями.

Итак, мы видим, что переводчик первым делом стремится сохранить мысль поэта, сюжетные ходы, развитие действия. Но одного этого мало. Каждый бейт имеет определенное строение и звучание, которое нельзя передать в точности на другом языке. Однако было бы грубой ошибкой воплотить богатство содержания поэм Низами в форму, ей не соответствующую.

Итак, мы видим, что переводчик первым делом стремится сохранить мысль поэта, сюжетные ходы, развитие действия. Но одного этого мало. Каждый бейт имеет определенное строение и звучание, которое нельзя передать в точности на другом языке. Однако было бы грубой ошибкой воплотить богатство содержания поэм Низами в форму, ей не соответствующую.

Итак, мы видим, что переводчик первым делом стремится сохранить мысль поэта, сюжетные ходы, развитие действия. Но одного этого мало. Каждый бейт имеет определенное строение и звучание, которое нельзя передать в точности на другом языке. Однако было бы грубой ошибкой воплотить богатство содержания поэм Низами в форму, ей не соответствующую.

Итак, мы видим, что переводчик первым делом стремится сохранить мысль поэта, сюжетные ходы, развитие действия. Но одного этого мало. Каждый бейт имеет определенное строение и звучание, которое нельзя передать в точности на другом языке. Однако было бы грубой ошибкой воплотить богатство содержания поэм Низами в форму, ей не соответствующую.

Итак, мы видим, что переводчик первым делом стремится сохранить мысль поэта, сюжетные ходы, развитие действия. Но одного этого мало. Каждый бейт имеет определенное строение и звучание, которое нельзя передать в точности на другом языке. Однако было бы грубой ошибкой воплотить богатство содержания поэм Низами в форму, ей не соответствующую.

Итак, мы видим, что переводчик первым делом стремится сохранить мысль поэта, сюжетные ходы, развитие действия. Но одного этого мало. Каждый бейт имеет определенное строение и звучание, которое нельзя передать в точности на другом языке. Однако было бы грубой ошибкой воплотить богатство содержания поэм Низами в форму, ей не соответствующую.

«ЛЮДИ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ»

ПРЕМЬЕРА В ТЕАТРЕ ИМ. ЕРМОЛОВОЙ

У книги П. Вершигора счастливая судьба. Ее образ сразу и глубоко зашел в душу читателя. Не только события захватывают в этой книге, а главным образом умный рассказ о людях и чистый, мужественный голос автора, который порой прерывает повествование возмущенными лирическими комментариями.

Героев своей книги Вершигора излучил прекрасно, в самой гуще жизни, в боях и испытаниях, дела со своими товарищами всю тяжесть похода. Как подлинный художник, он сумел отбросить случайное, незначительное и увидеть в человеческом характере сокровенное. События, портреты людей, детали партизанского быта — все освещено одной мыслью, которая кратко сформулирована в названии книги — «Люди с чистой совестью».

«Меня поразили», — пишет Вершигора, — отношения людей друг к другу, их моральные нормы, может быть, примитивные и упрощенные, но очень действенные, оригинальные и самобытные. Они были основой на большой правдивости и честности, на откеке человека по своим, своим и суровым качествам: храбрости, выносливости, товарищеской солидарности, смекалке и изобретательности. Здесь не было места подлым, жестоко высеивались трусы, карались обманщики и просто нечестные люди».

Да, книгу «Люди с чистой совестью» воспринимаешь, как повесть о нравственной силе и новой морали человека социалистического общества. Прием автор использует не о мертвых морально-этических нормах, а о живой сущности, о рожденных новых качествах, о становлении характеров в борьбе. В этом — сила произведения.

Книга бесспорна, и все же редкие ее страницы можно опустить, не нарушая художественной целостности. Отдельные эпизоды, авторские отступления, детали в сочетании образуют широкую картину жизни и деятельности партизанского отряда, картину, где щедрой рукой разработаны замечательные характеристики людей. Здесь и светлый образ большевика Руднева, и сильный народный мудрец Ковпак, и бывший учитель Базама, ставший начальником штаба, и храбрый Карпенко — без каждого из них невозможно представить книгу «Люди с чистой совестью». Но не только без них. Насколько беднее была бы партизанская повесть Вершигора, не будь в ней страницы о замечательном подполковнике Михаиле Кузьмиче Семеновиче, о Володе Зубовом, о связном Шашове? Или о скупых строк о тяжело раненной семнадцатилетней партизанке Нине Союзной или даже стриха о «здоровом, пожившем деле с запорожскими усами», который после беседы с Ковпаком «проявлял его взглядом и восхищенно говорил: «Ну, и голова...»

Понятно, с какими трудностями столкнулся П. Вершигора, работая над истинно народной повестью. Как ограничить себя, как подчинить огромный материал законам сцены? И дело вовсе не только в том, что повесть богаче, многообразнее, пестрее, — это неизбежно. В пьесе и спектакле театра им. Ермоловой восторженное порой звучит с большей силой, чем главное.

Страницы книги, посвященные Карпенко, который под влиянием Руднева и Ковпака обособился от родных пяти «партизан», написаны Вершигорой, как и вся книга, просто, со скрывшим волнением, в котором чувствуется глубочайшая заинтересованность автора в судьбе своего героя. В истории Карпенко нет ничего лишнего, все подчинено одной задаче — показать, как выплывает душа война и какова здесь роль Руднева, большевика-командира, являющегося и тонким воспитателем, и умным начальником, и боевым соратником партизана. В инсценировке и спектакле Карпенко, к сожалению, заслонил Руднева.

То, что в книге было сконцентрировано в эпизоде и благодаря своей сжатости приобрело сильное звучание, в инсценировке послужило материалом для нескольких сцен. Правда, добавлены новые детали, но они сами по себе не углубляют образа Карпенко, наоборот, эти добавления увядают

Сцена из спектакля «Люди с чистой совестью» в театре им. Ермоловой. НА СНИМ-КЕ: Ковпак — арт. Г. Черноволенко и Руднев — арт. И. Соловьев.

Б. ПЕСИС

ПОЭЗИЯ ВЕРНОСТИ

«Это было в самом начале 1942 года... Серый, холодный день. Я торопился домой; жена встретила меня в узком коридоре словами: «У нас тут...»

К Арагону и Эльзе Триоле пришел в тот день один из товарищей, «Жан» по подпольной кличке. «Жан» принес мне связку бумаг. В них было нелегко разобраться. Одна и та же страшная повесть повторялась четыре-пять раз. Показывая непосредственных свидетелей расстрела заложников в городе Шато-Бриане в октябре 41 года... К документу приложена краткая записка: сделай из этого памятник. Слова были обращены ко мне. Приказ. Я узнал почерк. Фредерик. Я сказал жене: «Посмотри, что пишет Фредерик... Тот, кто руководит всеми нашими людьми... Чье имя не называли ни под какой пыткой. Фредерик. Как Дюкло... Сделай из этого памятник... Таковы коммунисты. Они не сомневались в том, в Шато-Бриане, в лагере под неусыпным оком полицейских и бойшей, что все ими записанное, если оно будет написано, дойдет по назначению, будет взято нами, будет использовано, превратится в неотъемлемый призыв... На деле же они не сомневались в человеческом слове, в силе того, что ими написано, во вселенной правды, о которую разобьются фашизм».

К этому писательскому труду, которого ждал Арагон; всенародно подполья, огласить подвиг героев — Арагон решил привлечь трех известных французских литераторов, проживавших в том же городе. Все трое отказались под различными предлогами. Арагон, французский патриот, коммунист, один выполнял этот долг писателя. Арагон написал не только о заложниках, замученных в городе Шато-Бриане. Он создавал действительно замечательный памятник — книгу, запечатлевшую образы французских коммунистов и их друзей, подлинную борьбу лучших сынов французского народа с гитлеровцами и отечествен-

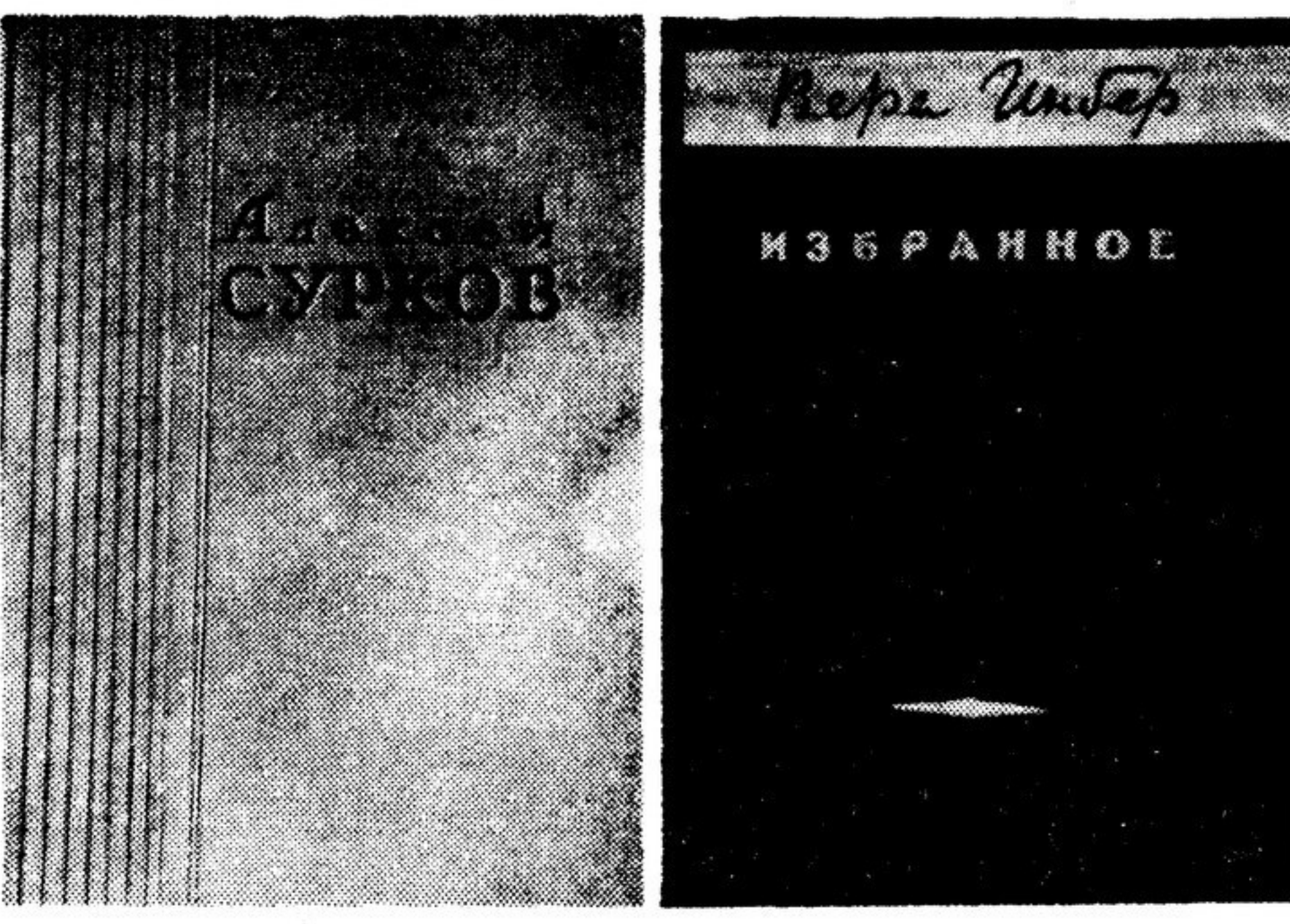
ными предателями. Книга называется «Коммунистический человек». Одна из глав «Свидетель мучеников» (так Арагон назвал свою трагическую повесть-прокламацию о заложниках) содержит рассказанный выше эпизод. Оказывается, даже среди так называемых «сочувствующих» находились в труднейшие для Франции дни литераторы, уклявшиеся от чести свидетельствовать перед миром о мученичестве и героизме лучших людей народа и о преступлении врагов Франции.

Высокая задала — запечатлеть подвиг, передать дух подвига будущим поколениям, сказать правду, которую народ, летая на плечи писателя-коммуниста, французского патриота, нашего друга. Есть над чем призадуматься французам, которым сегодня реакция не устает твердить: «Коммунисты — не французы!» — «люзгу», который выкрикивали гестаповцы, расстреливая патриотов в Шато-Бриане. После освобождения Франции некий «крупный писатель» вспомнил о документе Арагона и просил предоставить ему «для использования». Вероятно, в обстановке первых послевоенных дней, когда казалось, что Франция будет энергично очищаться от скверны, такой жест считался не бесполом. Буржуазным писателям не понять, что в литературе звучит и остается только слово — верность.

Но мог трус, будь он хоть сам плей в логу, достойно написать о 27 заложниках, умирающих с песнями, с восклицаниями: «Да здравствует Франция, да здравствует Советский Союз, да здравствует коммунистическая партия!»

Коммунисты не кичились тем, что их кровь пролилась так обильно; что во Франции, например, компартия стала называться в годы оккупации «партией расстрелянных».

Aragon L'homme Communiste. Gallimard. Paris. 1946.

Обложки новых книг, выпущенных Гослитиздатом: «Стихотворения 1925—1945 гг.» А. Суркова, «Избранное» В. Инбера (худ. К. Буков).

А. ШАРОВ

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

О героях своей книги — борцах против фашизма — чешский писатель коммунист Ян Драга говорит: «...В сердце каждого из них, у живых и у мертвых, проходила линия фронта. Тула, черная жила или мертвые фашисты никогда не пройдут вперед. Не пройдут через наши сердца».

Так заканчивается рассказ «Третий фронт». Верой в силу народа, в победу живого над мертвым, в торжество человеческого идеала над фашистским мракобесием проникнуты новеллы Яна Драги. Это не только живые страницы недавнего прошлого, но прежде всего страстное слово писателя-воина, вмешавшегося в сегодняшний бой, напоминающего тем, что американскими патронами расстреливаются греческие партизаны, кто в черных маки готовит силы, чтобы уничтожить французскую республику, кто в растленной декадентской литературе под новыми терминами возрождает старую, разгромленную в бою философию фашизма, — слово писателя-гражданина, напоминающего врагам свободы и демократии о силах народа, о незыблемости его порабителитим, о готовности сражаться за свою независимость, о безмолвной баррикаде, прерывающей дорогу всемирной и всемирной реакции.

Ян Драга ненавидит врага. Независть не ослепляет писателя, напротив, она делает его зрение ясным и беспощадным. Выразительными чертами рисует он портрет мятежного, подпольного человека, всеобщего мещанина-стяжателя, создающего почву для возникновения и усиления фашизма. В «Деревенской истории» скандал и гневными словами Ян Драга рассказывает о Кареле Иудале, предавшем своих соседей Бернатов для того, чтобы завладеть их имуществом. «Луг Берната. Поле Берната. Лес Берната. В этих незначительных, но важных словах все деревня воплощала мысль о четырех убитых. А когда Иудал срывал и уничтожал старые насады на возах, бранные, телега и прибалблил вместо них новые: «Карел Иудал — крестьянин, бороковник», всем бороковникам казалось, что каждый гвоздик, каждая доска отмечены прикосновением Берната».

Сама земля требует мести и становится частью безмолвной баррикады, возмущенной против силы, грозящей уничтожить и испоганить все чистое и светлое. «...Пахарь, жнецы и сеятели, не привыкшие проливать кровь», осудили Иудала на смерть и уничтожили его.

Книга Драги утверждает святость невинности к врагу. Разве мало в нынешней Европе людей, которые под флагом человеколюбия и всеобщего примирения выгораживают своих убийц, чтобы завтра они снова могли убивать? Зарубежные повкротители режима Франко, «советники» греческих палачей, деятели по «денацификации» западных зон Германии... да и в самой Чехословакии находятся судьи, оправдывающие палачей и осуждающие партизан.

Против них направлена написанная с горячим чувством и публицистической страстностью новелла «Доктор медицины». Немцы изгнаны, квартал трижды обыскан, от чердаков до подвалов. Но вот раздается короткая очередь, и падают две девочки — Еленка убитая, а Благотка тяжело ранена. И тогда один из тех, кто обыскал квартал, признается: «— Я, товарищи... у меня мягкое сердце. Может быть, я... оставил тут в четвертом этаже старую, большую бабу... пожелал, подумал, вдруг бы кто мою маму так выгнал! Но этого не может быть... какое там...бабка и племет».

На четвертом этаже партизаны находят офицера убитую — «доктора медицины», как

новеллы из книги Ян Драги «Немая баррикада» напечатаны в «Югоне» № 21 и журнале «Звезда» № 8 в 1947 году. Подлинное издание находится в государственном издательстве иностранной литературы.

что в тюрьмах гестапо оккупанты заводили для коммунистов «особый режим», что писатели-коммунисты Жак Декур и Валентин Фельман, переводчик нашего Николая Островского, погибли в застенках, как герои. Но французская литература не может не гордиться тем, что, подобно Арагону, Эльзюру, Муссиак, Кассу, сплел «свидетельства» («l'homme des poètes»), свидетельствуя о подвиге французского народа.

Какой бы ни была сложная обстановка борьбы в годы оккупации, случайным людям не удастся доказать, что все, что любили в каждом из нас, французского патриота, действительного сопротивлявшегося телесному влиянию врага, боролось с ним; что все равно служили Франции; те, кто отказывались писать для народа, и те, кому ломали руки за то, что этими руками они писали о героизме французов.

Так, Арагон писал, что в годы оккупации в каждом из нас французского патриота жила героиня, богатырь Герда. А Сартр ставил при оккупантах пьесу об Оресте, в которой силится доказать, что самый лучший человек не может «местить» в себя героя, что подвиг — это проклятие и принуждение.

Арагон прославил в стихах партизанскую войну, воспел верность Габриэля Пэри, превратив его предсмертное письмо о «завтрашнем поющем дне», его предсмертные минуты с пенем «Марсельезы» и «Интернационала» в памятник Коммунистическому человеку.

Сартр предложил вниманию изысканной послевоенной аудитории клевещническую пьесу о партизанах, в которой под видом героев и мучеников действовали сартоповские иуды.

Арагон дал в печати великолепный бой догматизму, когда он после освобождения Франции попытался было не пускать в родную одно из лучших сыновей родины — Мориса Тореза.

Андре Мальро использовал трибуну Сорбонны для проповеди Черчилля и сравнил футбольного поджигателя новой войны с героями Фермопила.

Чернилевский и леготловский агитатор Андре Мальро было мало дела до трудностей народной войны; его собствен-

нствует из его документов, и немку, которая показывала убитые цели.

Врага надо добить и уничтожить, подленькие люди с «мягким сердцем» иногда в тысячу раз опаснее палачей, — об этом говорит писатель.

Когда читаешь «Слово перед казнью» Юлиуса Фуника, все время чувствуешь, что ему ясна неизбежность собственной смерти, но так же ясна, даже более того, несомненно предпринятая победа общего дела, частью которого был он сам. Это ощущение бесмертия, чувство, которое точно выразено пушкинской строкой — «Нет, весь я не умру», — составляет основную черту предсмертного «Слова» Фуника. Чувство, которое было и у Габриэля Пэри, коммуниста, борца за будущее.

Фуник мог не знать о битве, происшедшей за стенами тюрьмы, — ему достаточно было посмотреть на улицы Праги, вдохнуть ее воздух. С каждым днем, с каждой страннейшей приближается смерть, и одновременно ближе становится грядущая победа. Это не мистическое чувство, а логика верного сына народа: за стеной тюрьмы — Чехословакия, а там дальше — Советская Россия; само существование ее определяет победу в бою.

Та же мысль наполняет новеллы Яна Драги. Советская Россия, Советская Армия возникает в них, как пример в борьбе и символ победы, как моральный критерий, заставляющий каждого честного человека по-новому продумать свое участие во всем происходящем.

«Товарищи», — сказал совавший их Карнет, — выдоху вам сразу все, о чем думается. У нас этих суток убивают сотни, а в России — целыми миллионами. А мы тут были до сих пор... словно кролики в норах. Все говорят, что мы безоружны. А у нас в руках есть оружие. И стыдно нам будет, если мы не пустим его в ход». («Сторож динамитного склада»)

С мысли о России начинается подвиг. Когда-то Маяковский писал: «Я себя под Лениным чищу». Так теперь, в свете пронаходящих через границы ленинских идей, которые стали плотью и кровью нашего народа, чистит, проветривает себя передовой человек Запала. В новелле «Фауст-патрон» юноша Пенк Гашек, целясь в немецкий банк, думает о баррикаде: «Под Берлином тытось красноармейцы — среди них есть и семнадцатилетний». Это придал ему силы, которых раньше он и не подозревал в себе.

Нам, советским людям, Чехословакия особенно близка и дорога. Действие одной из новелл Яна Драги протекает «деслятого мая в эти радостные утренние часы, когда русские танки положили конец драме Праги, не давая ей вырасти в трагедию подавленного восстания». Сотни тысяч советских людей, которые с полдюжиной носят медаль «За освобождение Праги», никогда не забудут этот день, навсегда связавший две наши страны. Бойцы, еще вчера сражавшиеся под Берлином и Дрезденом, перешедшие через хмурые Суэцкие Пустыни в линейку выстроившиеся леса и саксонские ландшафты сменились прильвыми, согретыми солнцем просторами осенней Чехословакии. Люди тут смотрели не исподлобья, как по ту сторону гор, а прямо в глаза — честно, благодарно и дружелюбно. В редакции молодежной газеты «Младше фронт» собралась небольшая группа писателей, многие из которых еще несколько часов тому назад дрались на пражских баррикадах. Это был торопливый, взволнованный и путанный разговор, когда почти не успеваешь отвечать, — столько, даже не десятилетия, а сотен и тысяч вопросов было у пражских товарищей к нам, советским офицерам, и нас к ним, так хотелось узнать, и узнать сразу все друг другу. Генерал, след за бесмертной кровью Фуника, появляющиеся честные, талантливые новеллы Яна Драги; они как бы продолжают майского пражского встречу двух народов, они помогают глубже почувствовать живую и гордую душу Чехословакии.

В секретариате ЦСП СССР

На очередном заседании секретариата Союза советских писателей ЦСП СССР с участием в работе писательской организации Казахстана выступил С. Мухомов. Решено приступить к подготовке декады казахской литературы в Москве. Казахской комиссии бюро национальных комиссий Союза писателей СССР поручено приступить к отбору произведений, которые должны быть переведены к декаде казахской литературы в Москве, и разработать план ее проведения.

Подлинник повести А. Герцена

Центральный государственный Литературный архив приобрел подлинник повести А. Герцена «Долг прежде всего».

Повесть впервые была издана в Лондоне самим Герценом в сокращенной редакции. Полный текст ее стал известен только в немецком переводе, сделанном по просьбе автора его другом — философом. Этот перевод был в свою очередь «переведен» на русский язык и появился в полном собрании сочинений писателя (т. VII, 1919).

Долгое время рукопись А. Герцена считалась утраченной. Случайно, уже после Октябрьской революции, она была обнаружена за границей и привезена в СССР. Недавно ее приобрел Государственный литературный архив.

Экспертиза установила, что рукопись, написанная неизвестной рукой, содержит многочисленные вставки и поправки самого А. Герцена и подлинника им.

Рукопись представляет, по мнению экспертов, исключительный историко-литературный интерес. Помимо того, что она представляет собой полный русский текст герценовской повести, в ней есть места, опущенные даже при немецком издании, — например, предисловие «От сочинителя», датированное 25 октября 1847 года. Немецкий переводчик выпустил и ряд «резек» в общественном смысле слова.

Подлинник повести «Долг прежде всего» будет опубликован в специальном томе документальных материалов, посвященном А. Герцену.

Четвертый и шестой томы «Истории русской литературы»

Издательство Академии наук СССР выпустило в скором времени четвертый и шестой томы «Истории русской литературы», охватывающий вторую половину XVIII века. Том составлен научными сотрудниками Института литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Готовится к печати шестой том «Истории русской литературы», посвященный литературе пушкинской поры. Центральное место в нем занимает раздел о великом поэте. Особые разделы посвящены писателям декабристского движения (Рылеву, Кюхельбекеру, Олсуховскому и др.). Заканчивается том главой о журналистике 20—30-х годов XIX века.

Вручение почетных грамот и премий за лучшее издание книг для детей

Совет Министров РСФСР в феврале 1945 года вынес постановление о проведении двухдневного конкурса на лучшее издание книг для детей. На днях министр просвещения РСФСР А. Калинин вручил почетные грамоты и денежные премии за лучшие книги 1946 года.

Премии вручили художники, работники Государственного издательства детской литературы, рабочие Московской фабрики детской книги № 1 и фабрики детской книги № 2 в Ленинграде и руководители этих предприятий. Первым из художников получил почетную грамоту Е. Кирич, — илюстрированная им повесть Н. Голая «Тарас Бульба» удостоена первой премии в размере 75 тысяч рублей.

Директор фабрики детской книги № 1 А. Власов, получая почетную грамоту, заявил министру просвещения, что коллектив фабрики приложит все старания к тому, чтобы еще выше поднять культуру издания детских книг.

Молодые писатели Бурят-Монголии

Улан-Удэ. (От наш. корр.) Состоялось республиканское совещание молодых писателей Бурят-Монголии.

С докладами выступили ответственный секретарь Союза писателей Ш. Тумунов — «За высокую идейность советской литературы» и заместитель завкома фабрики «Заметки критика», В. Гоффеняева «Заметки критика». «Юношеская литература сегодня» — так называлась статья П. Кима, помещенная в разделе «Иностранная литература». Раздел «Библиография» посвящен книгам для детей. Здесь напечатаны статьи Н. Венгрова, академика Н. Семенова, А. Витман, Р. Самарина, А. Кобелевой. Завершает номер раздел «Пародии и шаржи»: А. Раскин «Зеленая драма», Я. Сашин «Престарелая Франция», «Поэтический отклик», Б. Привалов, Б. Штейн «Зеркальный критик».

Госиздат Бурят-Монголии выпустил в союзовании с Бюро писателей издательский нацнациональный журнал поэтов и прозаиков.

При Союзе писателей создана комиссия по работе с молодыми писателями под руководством народного поэта республики Хоца Намсарева.

вают, как выполнение «приказа Москвы». Как известно, подобные термины обычно практикуются провинциальной прессой, когда нутом отвлечь внимание от политических махинаций реакции.

Возросшее влияние советской культуры, советской литературы заставляет реакционеров активизироваться на литературном фронте.

Достаточно французскому писателю выступить против пропаганды унижения человеческого достоинства или унижения национального достоинства своего народа, достаточно быть подлинным гуманистом, чтобы прослыть в черносотенных кругах писателем, «завербанным» Москвой.

Арагон когда-то писал, что мнимые защитники свободы так яростно нападают на писателя-бойца, на «мундиры», потому что пестрый костюм шута им милее, чем боевые доспехи. Арагона травят за то, что он предпочитает дружить с французскими шахтерами и разрабатывать литературных шутов. Стоит присмотреться к этим джентльменам Пьеро — или Мальро, — когда они, чтобы морально разоружить молоденького, начинают его, что «селевский элемент» Западного блока. Как правлю, всех этих апостолов «трагизма», «атлантической культуры» и прочей реакционной демагогии — томные, постные лица, но кулаки у них — как у американских гангстеров. И эти кулаки, сегодня патетически воздеваемые в Сорбонне, завтра уже гулялы бы по головам рабочих демонстрантов, если бы не бдительность народа.

Арагон — поэт, трибун, вооруженный честных людей Франции этой бдительностью. Продажный критикан не может нравиться французскому поэту, который вводит в свои стихи еще бывшие в найте строки Маяковского. Зато Арагон любит тысячу честных французов — коммунистов, беспартийных, рабочих, интеллигентов, которых он не устает призывать к единству.

В творчестве Арагона замечательно сочетается верность лучшим традициям национальной культуры и подлинная любовь к коммунистическому человеку, любовь, окрепшая в многолетнем дружеском общении с культурой советского народа.

«Остров мира» Е. Петрова в Ленинградском театре комедии

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) Репертуар будущего сезона Ленинградского театра комедии пополнится интересными пьесами.

В план новых постановок театра включены комедия Евгения Петрова «Остров мира». В творческом союестве с театром над новыми комедиями работает ряд ленинградских писателей. Интересное задуманную стилистическую комедию-обозрение «Взас театральная» об удалстве смекалке, отставке советского солдата) заканчивает большая группа поэтов: В. Лифшиц, М. Дудин, М. Лозанский, А. Прокофьев, О. Берггольц, В. Владимиров, Е. Рывина, А. Флит и другие.

В. Каверин и З. Юдеева передали Ленинградскому театру комедии пьесу «Два капитана» (по одноименному роману В. Каверина), В. Масс и М. Чернышевский — новую комедию «Дорогие товарищи».

Шандор Петефи на русском языке

В Государственном издательстве художественной литературы состоялся собрание поэтов, переводящих на русский язык произведения гениального венгерского поэта-революционера Шандора Петефи. Эти переводы выйдут отдельным большим томом.

Петефи не раз выходил на русском языке. Первый перевод его произведений, сделанный Бенедиктовым, относится еще к 1867 году. Однако все предыдущие переводы не передавали поэтических достоинств подлинника.

Этот важный продел восполняет лучшие советские поэты и переводчики — Н. Тихонов, В. Инбер, В. Левик и др. Работой коллектива переводчиков руководил ленинградский поэт Анатолий Гилад. Книга выходит под редакцией А. Красновой.

Том изобранных произведений Петефи объемом в 15—16 печатных листов включает лучшие произведения из огромного литературного наследия поэта. Из 197 стихотворений, вошедших в сборник, 165 переведено на русский язык впервые. В отделе прозы входят: «Путевые картины», «Странный из дневника» (история революции 1848 года) и отрывки из писем Петефи. Книга будет открываться обстоятельным предисловием Анатолия Гилада, рисующим жизнь и творческий путь Петефи.

Советский читатель получит Петефи еще до 1948 года, когда будут отмечаться две крупные даты — 125-летие со дня рождения величайшего венгерского поэта и 100-летие венгерской революции.

«Звезда» № 7

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) В седьмом (июльском) номере «Звезды», помимо продолжения романа В. Кетлицкой «В осаде», напечатано начало нового романа Г. Фина «Каменный бор», посвященного послевоенной жизни карело-финского колхоза. Отдел поэзии представляет стихи Н. Бруна, В. Шейфера, Л. Хаустова, Г. Семеновца, С. Болотникова и П. Ойфа. В разделе «Люди нашей страны» — очерк Г. Сорочина «Мисс «Доброй веры» об известном морском летчике Герое Советского Союза И. Любимове. Выдающемуся советскому археологу Б. Пиотровскому посвящен очерк Д. Славятерова «Наука идет дальше».

В журнале публикуется статья член-корреспондента Академии наук СССР В. Жирмунского «Образование национальных языков в свете учения товарища Сталина о нации». Отдел критики составляет статьи В. Шейфера («Александр Фадеев»), А. Амстердама («Об ужасной жизни в повести Геннадия Гора») и С. Юровского «Чувство нового» (о творчестве В. Овечкина).

«Новый мир» № 7

В июльском номере журнала «Новый мир» напечатаны: стихи А. Суркова, Я. Смелякова, И. Сельвинского, С. Гуденко, С. Васильева, В. Луговского, Е. Долматовского; записки Ю. Калусто «Наташа», продолжение романа И. Эренбурга «Буря». В разделе «Критика и библиография» помещены статьи Л. Мотылевой «Мировое значение советской литературы», В. Гоффеняева «Заметки критика», «Юношеская литература сегодня» — так называлась статья П. Кима, помещенная в разделе «Иностранная литература». Раздел «Библиография» посвящен книгам для детей. Здесь напечатаны статьи Н. Венгрова, академика Н. Семенова, А. Витман, Р. Самарина, А. Кобелевой. Завершает номер раздел «Пародии и шаржи»: А. Раскин «Зеленая драма», Я. Сашин «Престарелая Франция», «Поэтический отклик», Б. Привалов, Б. Штейн «Зеркальный критик».

Новые книги Гослитиздат

В. Г. Корольков, Избранные произведения. Вступительная статья А. Котова. Редакция текста и комментарии Н. В. и С. Королькова. Тираж 100 000, 670 стр. Цена 23 руб.

Н. Н. Златовратский, Избранные произведения. Вступительная статья А. Егорова, Редакция текста А. Н. и С. Королькова. Тираж 100 000, 670 стр. Цена 23 руб.

В. Вексель, Воспоминания. Издание третье, дополненное. Тираж 100 000, 370 стр. Цена 12 руб.

Л. Н. Толстой, Рассказы. В книгу вошли: «Степной кавказ», «Нехлюдова», «Полушника», «250 000, 135 стр. Цена 12 руб.

Николай Тихонов. Пьесы. Баллады. Лира. Тираж 25 000, 215 стр. Цена 6 руб.

Хв. Смирнов, «Сильвия». Серия «Роман-газета» № 4, в 6 и 17. Тираж 100 000, 47 стр. Цена 2 руб.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, А. МАКАРОВ (зам. главного редактора), В. СМЕРНОВА, А. ТВАРДОВСКИЙ.

25 июля 1947 года в Москве состоится 55-й тираж выигрышей ГОСУДАРСТВЕННОГО ВНУТРЕННЕГО ВЫГРЫШНОГО ЗАЙМА 1938 ГОДА

В тираже будет разыграно: 16 выигрышей по 25.000 руб. 80 выигрышей по 10.000 руб. 400 выигрышей по 5.000 руб. 4800 выигрышей по 1.000 руб. 17344 выигрыша по 400 руб.

ПРОСРЕТАЙ ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА 1938 ГОДА

Облигации займа свободно продаются и покупаются сберегательными кассами